МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Когда надлежитъ отдавать отрока къ Ритору учиться Краснорѣчію.

Вошло въ обычай (и сей обычай день отъ дня усиливается) заставлять дѣтей учиться Краснорѣчію гораздо позже надлежащаго времени. Сіе происходитъ отъ того, что Риторы наши опустили свою, а Грамматики чужую должность себѣ присвоили. Ибо первые ограничиваютъ себя однѣми *декламаціями*, т. е. изложеніемъ вымышленныхъ случаевъ, и преподаваніемъ на сей только конецъ нужныхъ правилъ, да и то въ родѣ (*) *Разсудительномъ* и *Судебномъ*, а все прочее, какъ недостойное своего званія, презираютъ: послѣдніе же, не довольствуясь тѣмъ, что имъ предоставлено (за что надлежало бы благодарить имъ), берутся еще за труднѣйшіе въ Краснорѣчіи предметы, каковы суть (**): За-

(*) Въ Разсудительномъ родѣ что либо совѣтуется или отсовѣтуется; Судебный имѣетъ предметомъ обвиненіе или защищеніе.

(**) Въ которыхъ лица отсутствующія, умершія, и даже существа нѣмыя, представляются говорящими.

имословія *(Просопопеи)* и сочиненія, къ совѣтовательному роду относящіяся: отъ сего и вышло, что первыя упражненія въ одной наукѣ сдѣлались послѣдними въ другой: и дѣти, кои, по лѣтамъ своимъ, должны бы поступать въ высшій разрядъ ученія, остаются въ низшемъ, и Риторикою занимаются у Грамматиковъ. Такимъ образомъ, что однакожъ очень смѣшно, отрока надлежитъ, кажется, поручать Ритору не прежде, какъ уже будетъ знать Риторику.

Мы положимъ каждой наукѣ свои границы. И Грамматика, которая на нашемъ языкѣ значитъ знаніе письмянъ или буквъ, должна имѣть свои предѣлы, особливо будучи такъ названа по своей скудости, въ коей прежде была заключена: бывъ она слаба въ началѣ своемъ, но, получивъ силы отъ чтенія Стихотворцевъ и Историковъ, увеличилась уже до избытка; ибо, кромѣ правилъ, какъ говорить исправно (что само по себѣ составляетъ предметъ довольно обильный), обняла еще немалую часть и другихъ познаній. Да и Риторика, такъ названная отъ того, что учитъ красно и сильно говорить, не должна чуждаться своихъ должностей, и терпѣть, чтобы принадлежащее ей перешло инуды; отъ чего почти вовсе лишилась она многаго изъ своей собственности. Я не спорю, чтобы между учащими Грамматикѣ не было способныхъ пре-

подать также свѣдѣнія, нужныя Оратору; но таковый наставникъ исполнилъ бы тогда должность Ритора, а не Грамматика.

Теперь спрашивается, когда же начинать учить отрока Риторикѣ? Я коротко скажу: когда откроются въ немъ потребныя къ тому способности; здѣсь надобно смотрѣть не на лѣта его, а на успѣхи въ ученіи. Но и сіе зависитъ отъ предыдущаго моего замѣчанія. Ибо ежели упражненія его у Грамматика простру-тся до сочиненій въ родѣ *Совѣтовательномъ*, которыя составляютъ часть начальныхъ правилъ въ Краснорѣчіи, то Риторъ позже понадобится. А ежели Риторъ хочетъ въ точности исполнить всѣ свои обязанности, то долженъ тотчасъ занять ученика своего повѣствованіями и небольшими опытами въ родѣ (*) *Доказательномъ*. Развѣ не знаемъ, что и Древніе для пріобрѣтенія большихъ успѣховъ въ Краснорѣчіи, обработывали (**) *Общія мѣста*, самыя неопредѣлительныя предложенія и все, изъ чего можно вывести споры между лицами подложными или истинными? Отсюда заключить можно, коль

(*) *Доказательный* родъ имѣетъ предметомъ или похвалу или порицаніе.

(**) *Общими мѣстами* называются въ Риторикѣ общія мнѣнія, изъ коихъ, какъ изъ источника, заимствуются частные доводы.

постыдно отступаться отъ той части Краснорѣчія, которая была у нихъ первою и единственною. Да и не все ли то, о чемъ я упомянулъ, принадлежитъ къ должности Ритора, и не все ли относится къ роду *Судебнаго* краснорѣчія? Не входитъ ли *Повѣствованіе* и въ рѣчи, предъ народомъ произносимыя? Да еще едва ли не самую важнѣйшую часть составляетъ? Споры и пренія не часто ли сопровождаются *хвалою* и *хулою*? Не употребляются ли въ нихъ и *общія мѣста*, или обращаемыя прямо на пороки, чего образцы видимъ въ Цицеронѣ, или излагающія просто вопросы, какъ у Квинта Гортенсія, напримѣръ, *должно ли вѣрить слабымъ доказательствамъ въ пользу свидѣтелей, и противъ свидѣтелей?* Это такое оружіе, которое должно имѣть въ готовности на всякой случай. Почитать все сіе непринадлежащимъ Оратору, было бы тоже, что почитать статую еще неначатою, когда только члены ея вылиты изъ металла. Впрочемъ, да не вмѣнится мнѣ въ необдуманную поспѣшность, что слишкомъ рано отнимаю дитя у Грамматика, какъ будто бы для того, чтобы скорѣе отдать его Ритору. Тотъ и другой можетъ имѣть свою очередь: не опасайтесь, ребенокъ не утомится отъ наставленій двухъ учителей. Я не умножаю, а только дѣлю трудъ, который былъ смѣшанъ безъ разбо-

ра. Такимъ образомъ каждый учитель будетъ полезнѣе въ своемъ дѣлѣ. У Грековъ и понынѣ сіе наблюдаютъ, а наши Риторы отъ того отступили, и кажутся извинительны только тѣмъ, что съ нихъ трудъ сей сняли на себя другіе.

ГЛАВА II.

О нравахъ и должностяхъ Учителя.

Итакъ, коль скоро усмотрится въ отрокѣ столько способности, что можетъ принимать первыя, показанныя мною, наставленія въ Краснорѣчіи, то и надлежитъ поручить его попеченію Риторовъ. Но всего болѣе надобно обращать вниманіе на нравы послѣднихъ. Я здѣсь начинаю мои правила съ сего не по тому, чтобы и въ разсужденіи прочихъ наставниковъ почиталъ такое наблюденіе излишнимъ; въ первой книгѣ довольно объ этомъ толковано: но самый возрастъ учащихся заставляетъ повторять сказанное мною прежде. Ибо къ симъ учителямъ дѣти поступаютъ уже взрослыя, и остаются у нихъ, даже по достиженіи юношескихъ лѣтъ: и для того наиболѣе пещися должно, чтобы юность въ цвѣтѣ своемъ благоразуміемъ наставника охранялась, и, пришедши въ зрѣлость, важностію его отъ своевольства воздерживалась. Еще мало того, чтобъ онъ былъ самъ человѣкъ честный, нужно, чтобы строгимъ над-

зоромъ умѣлъ блюсти чистую нравственность и въ ученикахъ своихъ.

Итакъ да воспріиметъ онъ прежде всего отеческія къ нимъ чувствованія, и да представляетъ себя непрестанно на мѣстѣ тѣхъ, отъ коихъ дѣти ему ввѣряются. Да будетъ чуждъ пороковъ, и въ другихъ да не терпитъ ихъ. Важность его да не сопровождается грубостію, ласковость слабостію; дабы одною не навлечь ненависти, а другою презрѣнія. Наиболѣе да бесѣдуетъ о благоповеденіи; ибо чѣмъ чаще будутъ увѣщанія, тѣмъ рѣже понадобятся наказанія. Да не будетъ гнѣвливъ, ниже потворчивъ тамъ, гдѣ нужна строгость; въ преподаваніи ученія простъ, терпѣливъ, болѣе прилѣженъ, нежели взыскателенъ. Вопрошающимъ да отвѣтствуетъ охотно, не вопрошающихъ же возбуждаетъ собственными вопросами. На похвалы да не будетъ слишкомъ скупъ, ни слишкомъ расточителенъ; первое отнимаетъ охоту, а второе внушаетъ безпечность. Обличать, исправлять, когда потребуетъ нужда, долженъ безъ суровости, безъ бранчивости. Ибо во многихъ раждается отвращеніе къ ученію отъ того, что выговоры въ устахъ иныхъ учителей походятъ на явную ненависть. Да тщится вседневно сказать въ наставленіи ученикамъ что нибудь такое, что могло бы у нихъ навсегда оставаться въ памяти.

Хотя довольно примѣровъ къ подражанію можетъ представиться имъ при чтеніи книгъ, но гораздо больше дѣйствуетъ изустно пересказанное учителемъ, котораго и любятъ и почитаютъ благонравныя дѣти. Едва изобразить можно, какую имѣемъ наклонность подражать тѣмъ, къ коимъ расположены душевно.

Отнюдь не должно позволять дѣтямъ, чтобъ онѣ другъ друга явно хвалили, какъ то бываетъ часто. Даже возрастнѣйшимъ неприлично изъявлять открыто свои мысли о слышанномъ отъ товарищей. Надобно, чтобъ ученикъ въ семъ случаѣ полагался на судъ учителя, и почиталъ только то сказаннымъ хорошо, что̀ отъ него одобряется. Такой дурной обычай взаимно хвалить другъ друга, вкравшійся подъ именемъ вѣжливости, есть опаснѣйшій врагъ ученія, и долженъ быть изгнанъ изъ благоучрежденныхъ училищъ, какъ непристойный и слишкомъ театральный. Ибо и трудъ и прилѣжаніе почтутся уже ненужными тамъ, гдѣ на все похвала готова. Итакъ должны смотрѣть прямо на учителя и тѣ, кои слушаютъ, и тотъ, кто говоритъ предъ нимъ. Такимъ образомъ хорошее отъ худаго различать навыкнутъ: чрезъ сіе одинъ пріобрѣтетъ способность сочинять, а прочіе здраво судить научатся. А нынѣ, по окончаніи почти каждаго періода, тотчасъ не только

вспаюпъ, но и выбѣгаюпъ съ мѣспъ своихъ на средину, произнося, для одобренія, непристойные клики; и взаимныя похвалы рѣшапъ достоинство сочиненія. Опсюда надменность и пустая самоувѣренность, доводящія ихъ до пого, что, возгордясь рукоплесканіями соучениковъ, начинаюпъ худо думать объ учителѣ, если похвалитъ ихъ мало. Да и сами (*) учители должны со всею скромностію и осторожностію принимать похвалы. Ибо ученикамъ надлежитъ искать одобренія опъ учителя, а не учителю опъ учениковъ своихъ. Онъ также долженъ, если можно, замѣчать внимательно, за что̀, какъ и кто изъ учениковъ хвалитъ его: и радоваться для нихъ больше, а не для себя, когда найдетъ сужденіе ихъ правильнымъ.

Я не хотѣлъ бы, чтобъ малолѣтные находились вмѣстѣ съ возрастными. Ибо хотя бы хорошій наставникъ и могъ содержать воспитанниковъ во всякомъ порядкѣ и благочиніи, не худо однако отдѣлять слабѣйшихъ отъ продерзостнѣйшихъ: не только порока, да и самаго подозрѣнія избѣгать требуетъ благоразуміе. Я слегка замѣтилъ о семъ. Чтобы учитель и ученики были чужды разврата, о томъ и говорить

(*) Былъ обычай хвалить и учителей; что Квинтиліанъ также порицаетъ.

почитаю за излишнее. А кто, избирая сыну своему наставника, не обратитъ вниманія на порочныя его склонности, тотъ да вѣдаетъ, что все прочее, къ пользѣ юношества здѣсь нами излагаемое, останется безъ всякаго добраго дѣйствія.

ГЛАВА III.

Должно ли при самомъ началѣ избирать для дѣтей искуснаго учителя.

Я не хочу умолчать о предубѣжденіи тѣхъ, кои полагаютъ, что хотя дитя и придетъ въ состояніе учиться Краснорѣчію, не надлежитъ однако тотчасъ поручать его самому превосходному Ритору, а держать нѣсколько времени у учителя съ меньшими способностями; посредственность дарованій послѣдняго принесетъ учащемуся больше пользы по тому, что и разумѣть его и за нимъ слѣдовать легче, и что онъ съ меньшею скукою займется преподаваніемъ начальныхъ правилъ.

Но мнѣ не трудно доказать, что гораздо лучше полагать всегда доброе основаніе, и что искоренять закоснѣлые пороки требуется большихъ усилій; тогда сугубое бремя падетъ на послѣдующаго за тѣмъ искуснаго наставника; ему понадобится отучать прежде, а потомъ учить; и первое несравненно тяжелѣ. Для сего-то Тимоѳей, нѣкоторый славный игрокъ на флейтѣ,

обыкновенно требовалъ, какъ сказываютъ, двойной платы съ тѣхъ, кои отъ другихъ учителей къ нему учиться приходили.

Итакъ въ семъ случаѣ выходятъ двѣ ошибки: первая, что для начальнаго ученія годнымъ почитается и съ небольшими дарованіями учитель, въ томъ увѣреніи, что добрый желудокъ все варитъ. Такая всякой хулы достойная безпечность, могла бы по нуждѣ быть извинительна, если бы плохіе учители научили хоть не многому, да только не худому. Другая ошибка, еще обыкновеннѣйшая, состоитъ въ неправильномъ мнѣніи, будто бы лучшіе наставники сочтутъ за низость преподавать предметы маловажные, или изъ презрѣнія къ нимъ, или же и совсѣмъ приспособиться къ нимъ не могутъ. Но который не захочетъ, того я и въ число наставниковъ не включаю: а который хочетъ, тотъ и можетъ, лишь бы имѣлъ хорошія способности. Я такъ думаю, вопервыхъ по тому, что кто другихъ превосходитъ въ краснорѣчіи, тотъ лучше знаетъ и степени, чрезъ которыя достигаемъ до такого превосходства. Во вторыхъ, что успѣхъ весьма много зависитъ отъ способа преподаванія; а кто чѣмъ ученѣе, тѣмъ опытнѣе и искуснѣе въ обученіи другихъ: наконецъ нельзя и помыслить, чтобы тотъ не могъ произвести меньшаго, кто въ большемъ превзо-

шелъ многихъ. А иначе, было бы тоже, еслибъ кто сказалъ, что Фидій сдѣлалъ удивительную статую Юпитера, однако другой украшенія ея лучше бы выработалъ: или что Ораторъ говорить не умѣетъ: или что искуснѣйшій врачъ не знаетъ лѣчить самыхъ легкихъ припадковъ.

Такъ по сему нѣтъ, скажутъ мнѣ, ничего такого въ Краснорѣчіи, что̀ превышало бы слабыя дѣтскаго ума понятія. Я сего не утверждаю; но превосходный наставникъ долженъ быть вмѣстѣ благоразуменъ, искусенъ въ преподаваніи правилъ; словомъ, ему надлежитъ во всемъ сообразоваться съ силами учащагося; какъ человѣкъ, привыкшій ходить скоро, идучи дорогою вмѣстѣ съ малолѣтнымъ ребенкомъ, подаетъ ему руку, уменшаетъ шаги свои, и не выпереживаетъ своего слабаго спутника. Да и намъ удобопонятнѣе и вразумительнѣе бываетъ рѣчь человѣка умнаго и ученаго? Потому, что главное въ Краснорѣчіи достоинство есть ясность; а у кого чѣмъ меньше ума, тѣмъ болѣе напыщаться и шириться силится: какъ малорослые подыматься на цыпки, а малосильные грозить больше имѣютъ привычку. Ибо неумѣстная высокопарность, громкость и непомѣрное оказательство (cacozelia) дарованій означаютъ не силу, а слабость разума. Какъ надутость тѣла есть знакъ худаго здоровья, а не крѣпости; и сбив-

шись съ прямой дороги, конечно скорѣе заблудшися. Итакъ учитель чѣмъ меньше имѣетъ способностей, тѣмъ для ученика темнѣе.

Я не забылъ, что въ предыдущей книгѣ совѣтуя дѣтей лучше отдавать въ училища, нежели учить дома, говорилъ и то, что онѣ при начальномъ ученіи охотнѣе занимаются и болѣе успѣваютъ чрезъ подражаніе своимъ товарищамъ, поелику то дѣлать имъ легче. Многіе подумаютъ, что я здѣсь самъ себѣ противурѣчу. Нѣтъ; напротивъ, эта и есть самая главная причина, для которой надлежитъ поручать отрока превосходнѣйшему учителю: у него ученики, какъ съ большимъ раченіемъ воспитываемые, или не скажутъ и не напишутъ ничего, чему бы подражать не годилось; или, когда и погрѣшатъ, то не остаются безъ надлежащихъ и неукоснительныхъ поправокъ. Малосвѣдущій же одобритъ иногда и дурное, и увлечетъ за собою учениковъ своихъ. Итакъ да будетъ учитель и въ краснорѣчіи и во нравахъ мужъ отличнѣйшій, дабы, по примѣру Гомерова Феникса, учителя Ахиллесова, наставлялъ и слову и дѣлу.

ГЛАВА IV.

ВЪ ЧЕМЪ СОСТОЯТЬ ДОЛЖНЫ ПЕРВЫЯ УПРАЖНЕНІЯ ДѢТЕЙ У РИТОРА.

I. Историческія повѣствованія. (Плодовитость похвальна въ юношахъ. — Поправки дѣлать за ними не съ излишнею строгостію. — Пріучать ихъ писать съ возможнымъ раченіемъ). II. Утвержденіе и опровержение повѣствованій. III. Похвала и хула людямъ. IV. Общія мѣста и предложенія. — Охуждаетъ тѣхъ, кои обработываютъ общія мѣста дома, чтобы читать ихъ при удобномъ случаѣ. V. Похвала и хула законовъ.

I. Здѣсь я покажу прежде, чѣмъ долженъ, по мнѣнію моему, Риторъ занять новаго ученика своего: а послѣ дойду и до того, что̀ собственно называется Риторикою. Мнѣ кажется всего лучше начинать съ тѣхъ упражненій, которыя болѣе подходятъ къ задачамъ Грамматическимъ, какъ напримѣръ, съ *Повѣствованій.* Онѣ, кромѣ повѣствованія судебнаго, суть трехъ родовъ,

именно: *Басня*, которая употребляется въ трагедіяхъ и поэмахъ, и которая не только истины, но и вида ея въ себѣ не заключаетъ; *Прикладъ*, или случай, хотя ложный, однако правдоподобный, имѣетъ мѣсто въ комедіяхъ; *Исторія*, въ которой излагаются подлинныя дѣянія. Какъ повѣствованія Стихотворныя предоставили мы Грамматику (Кн. I. гл. 6.), то Риторъ долженъ начать съ Историческихъ, которыя чѣмъ сильнѣе, тѣмъ справедливѣе.

Но какъ лучше поступать при повѣствованіи, я покажу, когда буду говорить о родѣ *Судебномъ* (Кн. 4. гл. 2.). Между тѣмъ довольно здѣсь замѣтить, чтобъ оно было не сухо и не слишкомъ просто (ибо на что бы намъ столько потѣть надъ ученіемъ, ежели бы надлежало всегда представлять вещи въ ихъ наготѣ и безъ всякаго украшенія?), ниже напротивъ, извивисто и усѣянно посторонними описаніями, какія многими вводятся по стихотворческой вольности. То и другое порокъ: однако скудость въ мысляхъ хуже, нежели изобиліе. Отъ дѣтей ни требовать, ни ожидать не можно совершенной рѣчи; но для меня кажется лучше умъ, такъ сказать, роскошествующій, и благородныхъ порывовъ исполненный, хотя бы иногда и выходилъ изъ-за предѣловъ. Я никогда не досадовалъ на такое излишество въ юномъ ученикѣ. Жела-

тельно даже, чтобъ сами учители, по примѣру кормилицъ, младенствующимъ еще умамъ нѣжнѣйшую пищу предлагали, и насыщаться пріятнымъ млекомъ ученія позволяли. Между тѣмъ умъ, какъ тѣло, полнѣетъ, и отъ времени до времени укрѣпляется. Это знакъ будущей силы Напротивъ, какъ дитя, всѣми членами рановременно дѣйствовать начинающее, часто въ послѣдствіи сухоткою и болѣзнями угрожается. Итакъ не станемъ стѣснять способностей въ ребенкѣ; пусть изобрѣтаетъ, и пусть любуется своимъ изобрѣтеніемъ, хотя бы то было не совсѣмъ правильно и не въ должныхъ предѣлахъ. Плодовитость легко умѣрить; а сухости никакъ пособить нельзя. Я немного добраго ожидаю отъ ребенка, въ коемъ умъ ознаменуется преждевременною разборчивостію. Мнѣ пріятнѣе видѣть въ немъ обиліе и даже избытокъ мыслей. Ибо многое отойдетъ съ лѣтами, многое зрѣлѣйшимъ разсудкомъ убавится и самымъ употребленіемъ уменшится, лишь толькобъ было, изъ чего убавлять и уменшать. Тонко вытянутая изъ металла полоска, при малѣйшемъ прикосновеніи рѣзца или молотка, ломается. Кто читалъ Цицерона (de Orat. 88), тотъ увидитъ, что я слѣдую въ семъ его мнѣнію; онъ говоритъ: *я хочу, чтобы плодовитость ума въ молодомъ человѣкѣ выходила иногда и за предѣлы.* Почему

и не годится для дѣтей съ сухими правилами учитель, какъ для молодыхъ насажденій безвлажная и затвердѣлая земля. Отъ того зарождается въ нихъ робкое малодушіе: онѣ, какъ поникшія долу, не осмѣливаются возноситься выше обыкновенной рѣчи. Это въ нихъ сухотка, а не здоровье; не вкусъ или разборчивость, а слабость: и, думая, что въ нихъ нѣтъ порока, тѣмъ самымъ въ порокъ впадаютъ, т. е. достигать совершенства не стараются. По сей-то причинѣ и самая скороспѣлость ума мнѣ не нравится, какъ преждевременное броженіе вина въ точилахъ; ибо въ противномъ случаѣ оно долѣе не портится и отъ лѣтъ становится добротнѣе.

Не излишнимъ почитаю сказать и о томъ, что дѣтскимъ умамъ вредитъ непомѣрная взыскательность учителя. Ибо раждается отъ сего робость, уныніе, а наконецъ отвращеніе отъ ученія: и, что еще гораздо хуже, опускаются, такъ сказать, руки при каждомъ начинаніи. Извѣстно, что и селянинъ не касается нѣжнаго гроздія косою: оно, кажется ему, страшится желѣза, и не можетъ еще сносить никакого уязвленія. Такъ и учитель долженъ быть снисходителенъ; наставленія свои сопровождать возможною ласкою: иное похвалить, другое оставить безъ охужденія, или перемѣнить, показавъ

тому причины: а индѣ прибавишь нѣчто и отъ себя. Иногда же не худо и всю задачу ученика наполнишь своими мыслями и выраженіями, дабы она послужила ему примѣромъ, а онъ между тѣмъ любовался бы ею, какъ своимъ собственнымъ произведеніемъ. А ежели слогъ его будетъ такъ небреженъ, что и поправлять нельзя, тогда, объяснивъ снова тотже самый предметъ, заставлять обработывать его вторично, ободряя ученика, что въ другой разъ написать лучше онъ можетъ: пользу отъ сего способа дозналъ я собственнымъ опытомъ. Ибо надеждою успѣха возбуждается охота и ревность. Но не со всѣми надлежитъ употреблять одинакія мѣры, а смотря по лѣтамъ и по способностямъ. Я говаривалъ ученикамъ своимъ, когда кто изъ нихъ бывалъ посмѣлѣе въ мысляхъ и слогъ свой поболѣе разцвѣтить старался, что теперь это похваляю, но будетъ время, когда сего не позволю. Такимъ образомъ, льстила имъ острота собственнаго разума, но въ разсужденіи вкуса съ прямаго пути не сбивались.

Но возвратимся къ прежнему нашему предмету. Сочинять повѣствованія надлежитъ съ величайшимъ раченіемъ. Ибо хотя для лучшаго изъясненія мыслей, полезно заставлять дѣтей повторять слышанное, и излагать въ превращенномъ порядкѣ, взявъ то одно мѣсто, то

другое; но это дѣлать надобно только съ малолѣтными, когда еще они къ другому чему неспособны, и когда начинают лишь связывать вещи съ словами. Но коль скоро наступитъ время показывать имъ, какъ составлять правильную и обстоятельную рѣчь, тогда скорое необдуманное болтанье всего того, что придетъ въ голову, должно почитать за дурный знакъ пустаго и смѣху достойнаго хвастовства. Отсюда въ неразумныхъ родителяхъ происходитъ тщетная радость, а въ дѣтяхъ раждается нерадѣніе, безстыдство, привычка говорить всякія глупости, заниматься бездѣлицами, и, отъ чего великіе успѣхи часто въ ничто обращаются, надменное о себѣ самихъ мнѣніе. Всему свое время; я не опущу говорить о семъ пространнѣе на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ довольно, ежели отрокъ, со всякимъ стараніемъ и съ возможнымъ по лѣтамъ своимъ усиліемъ, напишетъ что-либо порядочное: пусть онъ въ томъ упражняется, пусть къ тому привыкаетъ. Кто хорошо говорить научится прежде, нежели говорить проворно, тотъ можетъ потомъ сдѣлаться такимъ, каковаго мы желаемъ, или покрайней мѣрѣ, близко къ такому подойдетъ.

II. Къ повѣствованіямъ не безполезно присовокупить и то, какъ доказывать и опровергать оныя. Сіе можно дѣлать не только по

предметамъ баснословнымъ и взятымъ изъ Стихотворцевъ, но и по нѣкоторымъ статьямъ изъ Исторіи. Напримѣръ, достойно ли вѣроятія, что будто бы воронъ, сидя на головѣ у Валерія, носомъ и крыльями билъ по лицу и по глазамъ сражавшагося съ нимъ Галла; здѣсь можно сказать много кое-чего въ ту и другую сторону; равно какъ и о рожденіи Сципіона отъ змія, о волчицѣ Ромула, о Нимфѣ Эгеріи Нумы. Да и въ Греческихъ Исторіяхъ находится довольно стихотворческой вольности. Часто разыскивается также о времени и мѣстѣ повѣствуемыхъ событій, а иногда и о самомъ дѣйствовавшемъ лицѣ; Титъ-Ливій наполненъ подобными сомнѣніями, и другіе Историки нерѣдко въ сказаніяхъ своихъ разногласятъ.

III. Послѣ сего начинаетъ отрокъ помаленьку испытывать силы свои надъ важнѣйшими сочиненіями; пишетъ похвалу мужамъ знаменитымъ, охуждаетъ злодѣевъ: то и другое приноситъ двоякую пользу. Тутъ обиліемъ и разнообразіемъ предметовъ не только изощряется разумъ, но и нравы размышленіемъ о благѣ и злѣ назидаются, и во многомъ познаніе пріобрѣтается. Тогдаже запасается ученикъ и примѣрами, которые Оратору служатъ великимъ пособіемъ во всѣхъ родахъ. Отсюда выходитъ еще новое упражненіе: будетъ онъ сравнивать лица,

добродѣтелями или пороками прославившіяся, и увидитъ предъ собою пространнѣйшее поле; ибо тогда нужно ему будетъ говорить не только вообще о добрыхъ и худыхъ качествахъ, но и вникать особенно въ каждое и каждое взвѣшивать. Но какъ способъ хвалить и хулить дѣянія относится къ третьей части Риторики (Кн. 3. гл. 7.), то и правила сему показаны будутъ на своемъ мѣстѣ.

IV. И *общія мѣста*, я разумѣю подъ симъ именемъ то, когда, не называя лицъ, на самые пороки вооружаемся, какъ-то на любодѣя, игрока, распутнаго, и *общія мѣста,* говорю, принадлежатъ къ роду судебному: ибо если выставить имя виновнаго, тогда примутъ видъ прямаго обвиненія. Однако онѣ низходятъ иногда нѣкоторымъ образомъ отъ рода до видовъ; ежели предположить, напримѣръ, любодѣя, потерявшимъ зрѣніе, игрока разорившимся, волокиту старымъ. Говоримъ иногда и въ защиту сихъ пороковъ; ибо и роскошь и любовь извиняемъ; не рѣдко беремъ сторону тунеядца и подлаго въ забавахъ прислужника: но такъ, чтобы извиненіемъ проступка не былъ извиняемъ преступникъ.

Весьма много также способствуютъ успѣхамъ въ Краснорѣчіи *Задачи* (*) (theses), которыя

(*) *Задачами* (theses) называются предложенія, въ которыхъ говорится о чемъ нибудь вообще, не приводя ни лицъ, ни времени, ни мѣста.

берутся отъ сравненія вещей, какъ напримѣръ: *сельская ли жизнь лучше, или городская? Правовѣдцы ли пріобрѣтаютъ болѣе славы, или люди военные?* Отъ сихъ задачъ, и въ родѣ совѣтовательномъ и въ судебныхъ разбирательствахъ, заимствуется великая помощь. Послѣдній случай объясняется пространно рѣчью Цицерона за Мурену. Да и слѣдующія задачи почти также принадлежатъ къ роду *разсудительному*: *надобно ли жениться? Надобно ли домогаться власти?* Прибавь здѣсь лице, тогда будутъ онѣ *совѣтовательныя*.

Наши учители давали намъ еще другія упражненія, сколько полезныя, столько и пріятныя для насъ: они приготовляли насъ къ случаямъ гадательнымъ (casus coniecturales), или догадкою познаваемымъ, приказывая изъяснять, *для чего представляли Лакедемоняне Венеру вооруженною? Для чего изображался Купидонъ въ видѣ мальчика съ крыльями, со стрѣлами, съ пламенникомъ?* и тому подобное. Мы здѣсь старались проникать въ намѣреніе перваго изобрѣтателя сей мысли: къ чему прибѣгать и въ тяжебныхъ дѣлахъ часто заставляетъ нужда. Это можетъ почесться за родъ хріи.

Другія же *общія мѣста*, какъ-то о свидѣтеляхъ, *всегда ли имъ должно вѣрить?* и о свидѣтельствахъ, *принимать ли ихъ, не смотря*

на маловажность. Безъ всякаго сомнѣнія, онѣ относятся къ роду судебному; нѣкоторые довольно извѣстные Ораторы приготовляли ихъ дома, вытверживали наизусть, дабы при случаѣ, когда понадобится имъ вдругъ говорить, украсить ими рѣчь свою. Но мнѣ кажется (не могу не сказать своего мнѣнія), сіе доказываетъ, что они сами на себя не полагались. Ибо какъ найдетъ такой Ораторъ что-либо совершенно приличное къ существу дѣла, которое въ различномъ и всегда новомъ видѣ представляется? Какъ можетъ отвѣчать на предложенія стороны противной, отражать возраженія, вопрошать свидѣтеля, если онъ самаго общаго, и во многихъ судныхъ дѣлахъ встрѣчающихся обстоятельствъ, выразить безъ приготовленія не въ силахъ? Такой Ораторъ, повторяя одно и тоже въ разныхъ рѣчахъ, или производитъ отвращеніе, какое бываетъ къ давнишнему и подогрѣтому кушанью, или покрываетъ самаго себя стыдомъ, выставляя толикократно предъ слушателей запасъ украшеній, который, какъ у хвастливыхъ бѣдняковъ, старинная рухлядь, на всѣ случаи употребляемая, обыкновенно ветшаетъ еще болѣе. Сверхъ того, не всегда и не всякое общее мѣсто можетъ приличествовать нашему дѣлу, ежели не будетъ оно въ какой-либо связи съ главнымъ предметомъ; а иначе, пока-

жется оно грубо и не кстати прилѣпленнымъ, и отличится отъ всего прочаго въ рѣчи; поелику приводится, не какъ нужное, но какъ на удачу приготовленное. Также для помѣщенія одной хорошей мысли прибѣгаютъ нѣкоторые ко многословнымъ отступленіямъ, забывая, что мысль не отъинуды, какъ изъ самыхъ тѣхъ общихъ мѣстъ родиться долженствуетъ. Итакъ красиво и полезно только то, что̀ изъ самаго дѣла проистекаетъ. Впрочемъ, сколько бы ни хороша была рѣчь, если не стремится къ точной своей цѣли, бываетъ излишна, а иногда и вредитъ дѣлу. Но и мы здѣсь довольно отступили отъ предлежащаго намъ предмета.

V. Хвалить и порицать законы трудно; и потребно столькоже тщанія и силъ, какія нужны для самыхъ важнѣйшихъ сочиненій....

Сими-то способами древніе учились Краснорѣчію, заимствуя однакожъ доказательства отъ Діалектиковъ. Ибо произносить рѣчи на предметы вымышленные, въ подражаніе рѣчамъ, какія говорятся въ судѣ и въ народныхъ собраніяхъ, введено у Грековъ въ обычай почти около временъ Димитрія Фалерійскаго. Но точно ли онъ изобрѣлъ сей родъ упражненія, я дознаться не могъ (какъ сказалъ и на другомъ мѣстѣ); да

и тѣ, кои утверждаютъ сіе, никакого яснаго доказательства не имѣютъ. Латины же начали имѣть учителей Краснорѣчія въ послѣднее время Луція Красса, какъ Цицеронъ полагаетъ (lib. 3. de Orat.); изъ нихъ знаменитѣйшій былъ Плотій.

ГЛАВА V.

О ЧТЕНІИ ОРАТОРОВЪ И ИСТОРИКОВЪ У РИТОРА.

I. Риторъ наставляетъ учениковъ своихъ, какъ читать исторію и рѣчи. II. Старается особенно показывать достоинство, а иногда и недостатки. III. Читаетъ съ ними временемъ и дурныя рѣчи. IV. Часто задаетъ имъ вопросы. V. Такія упражненія приносятъ болѣе пользы, нежели всѣ правила.

I. О способѣ сочинять такія рѣчи буду говорить за симъ вскорѣ: между тѣмъ, поелику мы занимаемся первыми правилами Риторики, то нельзя, кажется, не сказать, сколько можетъ Риторъ ускорить успѣхи въ учащихся, ежели, какъ отъ Грамматиковъ требуется изъясненія Стихотворцевъ, постарается онъ наставить учениковъ своихъ, какъ читать Исторію, и особенно Ораторовъ: я сдѣлалъ сему опытъ съ немногими, коихъ лѣта уже того требовали, и родители за полезное почитали. Хотя еще и

тогда чувствовалъ я пользу, произойти отъ того могущую, но встрѣчались два препятствія: вопервыхъ, долговременная привычка учить иначе, законъ налагала; вовторыхъ, и юноши, довольно успѣвшіе, слѣдовательно и труда сего уже не требовавшіе, примѣру (*) моему не слѣдовали. Однако я не постыдился бы сообщить публикѣ, если бы придумалъ и послѣ что нибудь новаго. Знаю, что у Грековъ Риторы и нынѣ сіе дѣлаютъ, по крайней мѣрѣ, чрезъ своихъ помощниковъ: ибо не достало бы времени, если бы съ каждымъ ученикомъ всегда самъ учитель заниматься захотѣлъ.

II. И подлинно, читать вмѣстѣ съ ребенкомъ для того только, чтобъ онъ научился вѣрнѣе и точнѣе пробѣгать глазами письмена, и даже чтобъ изъяснить силу какого ни есть малоупотребительнаго слова, должно почитать гораздо ниже обязанности Ритора: но показывать красоты въ рѣчи, или и недостатки, когда встрѣтятся, относится прямо до званія и должности того, кто выдаетъ себя за наставника въ Краснорѣчіи: тѣмъ паче, что я не тре-

(*) Въ школахъ не читали Историковъ и Ораторовъ, изъ коихъ бы ученики могли заимствовать образцы для сочиненій, но учители предлагали имъ свои собственныя сочиненія для подражанія. Не лучше ли бы читать для сего Цицерона и Димосѳена?

бую отъ учащаго, дабы читалъ онъ съ каждымъ ученикомъ особенно и всякую книгу, какую бы ему взять ни захотѣлось. Мнѣ кажется удобнѣе и полезнѣе, заставить всѣхъ молчать, приказывать одному изъ нихъ (и сіе дѣлать поочередно) читать въ слухъ, дабы въ тоже время и исправному произношенію навыкали; тутъ учитель, изъяснивъ сущность дѣла, составляющую предметъ читаемой рѣчи (ибо отъ того все будетъ вразумительнѣе), ничего безъ вниманія не оставитъ; и на *Изобрѣтеніе* и на *Изложеніе*, гдѣ надобно, сдѣлаетъ свои замѣчанія; покажетъ, какъ снискивается въ *Приступѣ* благосклонность судей, какая въ повѣствованіи наблюдается ясность, краткость, вѣрность, и какое иногда намѣреніе; до какой степени утаевается искуство (ибо оно только знатокомъ познается); потомъ, какой порядокъ и правильность находится въ раздѣленіи; какъ тонки и обильны доказательства; съ какою силою трогаетъ Ораторъ, съ какою уклонкою вкрадывается; какая у него колкость въ укоризнахъ, какая вѣжливость въ шуткахъ; и наконецъ, какъ возбуждаетъ онъ страсти, плѣняетъ сердца, и склоняетъ умы судей на свою сторону. Въ *Изложеніи* даетъ замѣтить, какое рѣченіе есть собственно, красиво и благородно; въ какомъ случаѣ распространеніе похвально, въ чемъ состоитъ противоположное

достоинство; какія метафоры; какія фигуры въ реченіяхъ; что есть слогъ гладкій и періодическій и вмѣстѣ мужественный и сильный.

III. Небезполезно также читать съ дѣтьми иногда и такія сочиненія, которыя наполнены недостатками, но которымъ многіе, по дурному своему вкусу, удивляются; и показывать въ нихъ мысли и выраженія несобственныя, темныя, надутыя, слабыя, низкія, подлыя, непристойныя, которыя не только отъ всѣхъ почти одобряются, но, что всего хуже, и одобряются единственно по тому, что онѣ дурны. Ибо рѣчь правильная, естественная, кажется имъ незаключающею въ себѣ великаго ума; а тому, что отступаетъ отъ здраваго разсудка, какъ нѣкимъ изящнѣйшимъ и изысканнѣйшимъ красотамъ удивляются: подобно какъ иные безобразными и чѣмъ либо уродливыми тѣлами плѣняются болѣе, нежели тѣми, которыя изъ природной цѣлости ничего не потеряли; и какъ тѣ, кои плѣняясь наружностію того, кто выщипываетъ на щекахъ до послѣдняго волоса, кто голову прикрываетъ странною прическою, лицу придаетъ искуственную бѣлизну, находятъ въ немъ болѣе благообразія, нежели сколько дала ему неискаженная природа: какъ будто красота тѣла можетъ происходить отъ развращенія нравовъ.

IV. Но учитель не всегда долженъ самъ дѣлать подобныя замѣчанія; надлежитъ почасту требовать мнѣнія и отъ учениковъ, и тѣмъ узнавать собственное ихъ сужденіе. Симъ поддержится ихъ вниманіе, и сказанное проходить мимо ушей ихъ не будетъ: и вмѣстѣ научатся они изобрѣтать и правильно понимать вещи. Ибо, для чего же мы ихъ и учимъ, какъ не для того, чтобы ихъ не вѣкъ учить?

V. Могъ бы я смѣло сказать, что сей родъ упражненія принесетъ учащимся болѣе пользы, нежели всѣ правила, которыя также, безъ сомнѣнія, нужны: но чрезъ все обширное пространство наукъ и знаній, почти вседневно возникающихъ, кто пройти можетъ? Хотя о воинскомъ искуствѣ преподаны нѣкоторыя общія правила, но гораздо полезнѣе знать, какъ, гдѣ и когда кто ни есть изъ полководцевъ поступилъ благоразумно, или напротивъ. Ибо почти во всемъ не столько пособляютъ правила, сколько опытъ. Учитель, для примѣра ученикамъ своимъ, будетъ произносить рѣчи своего собственнаго сочиненія: чтожъ? чтеніе Цицерона и Димосѳена не ужели принесло бы менѣе пользы? Учитель долженъже при всѣхъ поправлять ошибки въ сочиненіи ученика: не уже ли безполезнѣе будетъ для нихъ разбирать какого нибудь Оратора? Нѣтъ; а еще пріятнѣе; ибо всякъ охотнѣе ви-

дить ошибки чужія, нежели свои собственныя. Я могъ бы и еще многое сказать о семъ предметѣ; но польза всего того очевидна: желаю только, чтобы совѣтъ мой былъ исполняемъ съ такоюже охотою, съ какою достовѣрностію предвидится выгода онаго.

ГЛАВА VI.

КАКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ПРЕЖДЕ ЧИТАТЬ ДОЛЖНО.

I. Читать напередъ и всегда самыхъ лучшихъ Авторовъ. II. Предостерегать дѣтей отъ излишняго пристрастія и къ древнимъ и къ новѣйшимъ.

I. Не трудно отвѣчать на вопросъ, какихъ Авторовъ должны сперва читать начинающіе. Одни хотятъ ихъ прежде занимать писателями низшей степени, какъ вразумительнѣйшими: другіе краснорѣчивѣйшими, какъ юнымъ умамъ наиболѣе нравящимися. Мое же мнѣніе, давать имъ, и сначала и всегда, читать самыхъ лучшихъ, кои писали однакожъ съ бо́льшею чистотою и ясностію въ слогѣ; и для сего Ливія предпочитаю Саллустію; ибо Ливій есть сочинитель важнѣйшей Исторіи, но къ уразумѣнію его потребны высшія знанія. Равно и Цицеронъ мнѣ кажется пріятенъ и довольно ясенъ: онъ не только принести пользу, но и полюбиться мо-

жетъ начинающимъ: *а полюбивъ Цицерона*, какъ говоритъ Ливій, *можно и уподобиться Цицерону*.

II. Но здѣсь надлежитъ учителю избѣгать двухъ крайностей: вопервыхъ, по излишней любви къ древности, не заставлять дѣтей углубляться въ чтеніе Гракховъ, Катоновъ и подобныхъ имъ писателей. Чрезъ то легко могутъ онѣ привыкнуть къ слогу сухому и варварскому, да и понимать ихъ хорошенько еще не въ состояніи: а между тѣмъ, будучи довольны выраженіями, которыя въ тогдашнее время безспорно были самыя лучшія, нынѣ же сдѣлались странными, могутъ, къ крайнему вреду своему, возмечтать, что и онѣ походятъ на мужей великихъ. Вовторыхъ, предостерегать ихъ, чтобъ, плѣнясь, напротивъ, пустыми цвѣточками новѣйшихъ сочиненій, не увлекались сею опасною приманкою, и не полюбили того безъ мѣры роскошнаго рода писанія, который для дѣтскихъ умовъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ сообразнѣе съ ихъ незрѣлостію.

А когда укрѣпится въ нихъ разсудокъ, и съ сей стороны не будетъ настоять опасности, тогда и древнихъ и новѣйшихъ писателей читать безъ различія совѣтую; твердая и мужественная сила въ словѣ первыхъ, ежели отрясемъ съ нихъ прахъ грубаго вѣка, придастъ на-

шему слогу болѣе изящества; да и въ послѣднихъ найдемъ много хорошаго. Ибо природа надѣлила насъ не меньшими способностями; мы измѣнили только вкусъ свой, и слишкомъ заприхотничали. Древніе превосходны, не столько по блистательности ума, сколько по основательности мыслей. Итакъ надлежитъ читать Авторовъ съ разборомъ и смотрѣть, чтобъ въ смѣси не попасть на худое. Я согласенъ, и даже утверждаю, что и въ наше время были и есть писатели (*), коимъ подражать во всемъ можно: но рѣшить, кто изъ нихъ именно таковъ, не всякому принадлежитъ право. Безопаснѣе погрѣшить, говоря о древнихъ. И потому чтеніе новѣйшихъ на время отлагаю, дабы, подражая имъ, не предварить сужденія объ нихъ.

(*) Разумѣетъ Плинія, Тацита и другихъ писателей своего времени.

ГЛАВА VII.

Какія предложенія, или темы, должен Риторъ задавать ученикамъ для сочиненій.

Учащіе въ семъ случаѣ поступали различнымъ образомъ: нѣкоторые изъ нихъ, задавая ученикамъ предложенія, не довольствовались раздѣленіемъ оныхъ на части, но еще каждую часть особенно раздробляли, наполняли доказательствами и даже приличными фигурами. Другіе, давъ имъ самыя краткія и голыя *темы*, заставляли сочинять декламаціи, и у всякаго, кто что пропуститъ, своимъ дополняли, и нѣкоторыя мѣста обработывали съ такимъ раченіемъ, какъ будто бы говорить публично имъ самимъ надлежало.

То и другое полезно; почему одно отъ другаго не отдѣляю. Но если нужно изъ сихъ способовъ который нибудь одинъ употреблять, то почитаю за лучшее съ самаго начала показывать дѣтямъ прямую дорогу, нежели выводить на нее уже тогда, когда съ нее собьются. Ибо поправки только слуха ихъ касаются: а порядочное раздѣленіе предложенія управляетъ и мыслями и слогомъ. При томъ же дѣти охотнѣе слушаютъ отъ учителя наставленія, нежели поправки въ ошибкахъ: а чувствительнѣйшіе,

особливо по нынѣшнему воспитанію, такими поправками часто оскорбляются и внутренно ихъ отвергаютъ. Для сего однако отнюдь не должно пропускать погрѣшностей безъ замѣчанія. Требуетъ того польза и прочихъ учениковъ, кои могутъ почесть все то за хорошее, чего учитель не поправитъ. Надобно прибѣгать къ обоимъ способамъ, смотря по обстоятельствамъ. Начинающимъ давать предложенія, нѣсколько предуготовленныя по силамъ каждаго; а когда станутъ сочинять правильнѣе, то оставлять ихъ на показанномъ пути, дабы безъ пособія, собственными силами продолжать могли. Иногда нужно, чтобъ они и сами на себя полагались: дабы, привыкнувъ все дѣлать съ помощію другихъ, не подумали, что безъ нее уже вдаль и ступить не можно. Ежели усмотрится здѣсь довольный успѣхъ, то трудъ наставника почти увѣнчанъ; а ежели въ чемъ еще погрѣшать будутъ, долгъ требуетъ поправлять ихъ. Мы видимъ нѣчто подобное на птицахъ, которыя молодымъ и слабымъ птенцамъ своимъ приносимую во рту пищу раздѣляютъ: а когда посправятся они съ силами, матка пріучаетъ ихъ помаленьку выходить изъ гнѣзда, и вмѣстѣ съ собою порхать близъ онаго; наконецъ, удостовѣрясь о ихъ силахъ, оставляетъ имъ на волю летать всюду.

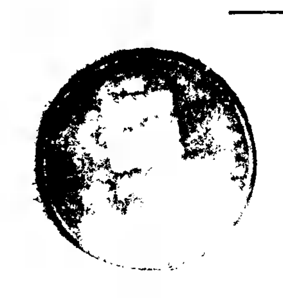
ГЛАВА VIII.

Заставлять дѣтей учить наизусть нѣкоторыя мѣста изъ Ораторовъ или Историковъ; а рѣдко что нибудь ихъ собственное.

По мнѣнію моему, надлежитъ совсѣмъ оставить обычай давать дѣтямъ учить наизусть собственныя ихъ сочиненія, и читать ихъ, какъ водится, въ извѣстные дни. Правда, сего особенно требуютъ родители, полагая въ дѣтяхъ своихъ тѣмъ бо́льшіе успѣхи, чѣмъ чаще слышатъ отъ нихъ такое чтеніе: и дѣйствительно успѣхи зависятъ отъ прилѣжанія. Я согласенъ, чтобы дѣти, сколько можно, болѣе занимались сочиненіемъ; но совѣтовалъ бы лучше давать имъ выучивать избранныя мѣста изъ Ораторовъ и Историковъ, или другихъ достойныхъ вниманія писателей. Ибо память болѣе изощряется, когда чужое затверживаемъ; привыкнувъ къ труднѣйшему въ семъ родѣ упражненію, легче уже и свое собственное удерживать въ головѣ будемъ; сверхъ того хорошіе примѣры въ умѣ на всякой случай останутся, и дѣти

образу выученной наизусть рѣчи подражать нечувствительно научатся. Лучшія слова, выраженія и фигуры будуть встрѣчаться сами собою: искать ихъ не для чего далеко: память, какъ запасная сокровищница, не преминетъ доставлять ихъ. Къ томужъ не безъ пріятности приводятся чужія мнѣнія во всякой рѣчи; а паче въ рѣчахъ судебныхъ. Ибо такіе приводы, кстати употребленные, болѣе дѣйствуютъ, нежели самыя доказательства, нами къ дѣлу отъ себя излагаемыя, и часто доставляютъ намъ вящшую честь, нежели собственныя наши мысли.

Однако можно иногда позволять дѣтямъ читать и свои сочиненія, чтобы не лишить ихъ похвалы, которой ищутъ, какъ воздаянія за труды свои. Но это дѣлать тогда только надобно, когда что ни есть напишутъ порачительнѣе, дабы такое позволеніе казалось имъ наградою за прилѣжаніе, и веселило ихъ тою мыслію, что сіе достойно заслужили.

ГЛАВА IX.

Всякаго ли ребенка учить надлежитъ по усмотрѣнію способностей ума.

Справедливо вмѣняется учителю въ достоинство, когда старается онъ замѣчать въ учениках своихъ различіе умовъ, и узнавать, кто къ чему отъ природы способнѣе. Есть и въ этомъ невѣроятное различіе; въ умахъ, такъ какъ и въ тѣлахъ, примѣчается не меньшее разнообразіе. Сіе видѣть можно на самыхъ Ораторахъ, кои въ изложеніи рѣчи такъ различны между собою, что ни одинъ не походитъ на другаго, хотя многіе изъ нихъ подражали тѣмъже любимымъ образцамъ. Изъ сего выводится заключеніе, что во всякомъ ученикѣ лучше пещися о природныхъ дарованіяхъ, и направлять умы наиболѣе туда, куда они сами стремятся. Какъ искусный учитель тѣлесныхъ упражненій, между великимъ множествомъ учениковъ своихъ, испытываетъ всячески и тѣло ихъ и склонно-

сти, а посему и опредѣляетъ каждому особенный родъ подвига. Такъ и наставникъ Краснорѣчія поступать долженъ: онъ прилѣжно наблюдаетъ, кто изъ питомцевъ имѣетъ больше способности писать кратко и плавно, рѣзко, важно, пріятно, сильно, вѣжливо или чисто, и такъ принаравливается къ каждому, чтобъ въ своемъ родѣ подвинуть его далѣе: ибо природа бываетъ сильнѣе при нашей помощи; а ежели повести кого въ несвойственную ему сторону, тогда ни въ томъ, къ чему меньше способенъ, онъ не успѣетъ, да и то, къ чему, кажется, родился, ослабитъ небреженіемъ.

Хотя въ основательности сего способа почти всѣ вообще увѣрены, но я скажу откровенно, что мнѣ кажется такое правило только отъ части справедливымъ. Разсматривать свойство умовъ необходимо нужно, и выборъ упражненій никто также не отвергаетъ. Ибо иной болѣе способенъ къ Исторіи, другой имѣетъ больше дара къ Стихотворству, третій скорѣе пойметъ Правовѣдѣніе, а можетъ быть, сыщутся и такіе, коихъ лучше и не учить. Пусть Риторъ все сіе принимаетъ въ разсужденіе, по примѣру учителя тѣлесныхъ упражненій, который опредѣляетъ одного къ бѣганію, другаго къ борьбѣ, инаго къ ручному бою, или къ какому

нибудь еще роду изъ священныхъ игръ (*). Но для того, кто назначается быть Ораторомъ, не одна какая-либо часть потребна, а все, что ни относится къ его должности, изучить ему нужно, хотя сіе и великаго, повидимому, труда стоитъ. А иначе на чтожъ бы и учиться, если бы для насъ довольно было однѣхъ природныхъ дарованій.

Если въ умѣ учащагося замѣтимъ недостатокъ или надутость, какъ-то часто бываетъ, не уже ли его такъ и оставимъ? Не уже ли жаждущаго и алчущаго не напитаемъ и нагаго не одѣнемъ? Ежели иногда убавлять нужно, то по чему не прибавлять? Я нейду противъ природы. Не говорю, чтобъ данныя ею добрыя качества въ небреженіи оставлять надлежало: напротивъ, еще и то, чего не достаетъ, прикладывать и усугублять совѣтую. Знаменитый Исократъ, о достоинствѣ коего столькоже сочиненія, сколько и превосходные ученики его, свидѣтельствуютъ, говоря о Ефорѣ и Ѳеопомпѣ, разсуждалъ, что для одного *узда*, а для другаго *шпоры* потребны: не разумѣлъ ли онъ чрезъ то, что медленность возбуждать, стремительность же

(*) Въ Греціи священными почитались игры *Немейскія*, *Олимпійскія*, *Истмійскія* и *Пиѳійскія*, гдѣ всѣ сіи роды сраженій были въ употребленіи.

*

удерживать, и такимъ образомъ оба сіи качества смѣшивать между собою, обязанъ благоразумный наставникъ?

Однакожъ умамъ слабымъ, слишкомъ ограниченнымъ, полезнѣе, кажется, оставить на волю слѣдовать тому, къ чему отъ природы склонны: ибо лучше успѣютъ въ томъ, что не превышаетъ ихъ способностей. Но ежели природа одарила кого щедрѣе, и изъ кого сдѣлать Оратора надѣемся, то уже никакихъ пособій къ сему упускать не должно. Ибо, хотя бы и имѣлъ онъ къ иному роду больше склонности, какъ сіе и необходимо, однако и въ прочихъ родахъ успѣть можетъ столькоже. Такъ учитель тѣлесныхъ упражненій (опять возмемъ выше приведенный примѣръ), чтобъ сдѣлать совершеннаго бойца, показываетъ не только, какъ бить кулакомъ или ногою, не только, какъ одолѣвать схваткою, но и другіе принадлежащіе къ сему искуству пріемы дѣлать заставляетъ.

Если ученикъ къ которому нибудь изъ сихъ упражненій отъ природы способенъ, то пусть болѣе займется тѣмъ, что̀ ему по силамъ. Двухъ неудобствъ рачительно избѣгать надобно: вопервыхъ, не заставлять дѣлать невозможнаго; вовторыхъ, не отвращать отъ того, въ чемъ успѣть онъ можетъ, и не принуждать къ тому, къ чему не способенъ. Но ежели учащійся подо-

бенъ будетъ славному бойцу, Никострату, коего въ молодости нашей мы уже старикомъ зазнали, тогда искусный учитель сдѣлаетъ его, каковъ былъ и тотъ, въ борьбѣ и ручномъ бою непобѣдимымъ. (Никостратъ, за побѣду въ обоихъ сихъ родахъ, въ одинъ и тотъже день бывалъ увѣнчанъ). Наставнику будущаго Оратора предлежитъ еще бóльшая предусмотрительность и забота; недовольно, чтобы питомецъ его научился говорить кратко только, или только замысловато или сильно: какъ недовольно, для Музыканта, быть превосходнымъ въ однихъ тонкихъ, или среднихъ, или важныхъ звукахъ особенно; ибо рѣчь Оратора должна быть подобна лирѣ, на коей игра тогда только можетъ почесться совершенною, когда всѣ звуки съ нижнихъ до вышнихъ, всѣми струнами въ согласіе приводятся.

ГЛАВА X.

О должности учениковъ.

О должностяхъ учителей я нѣсколько распространился; юношамъ же въ наставленіе скажу только то, чтобы своихъ учителей не менѣе любили, какъ и самое ученіе, и почитали ихъ за родителей, не по плоти, а по уму. Отъ таковаго сыновняго почитанія много зависятъ успѣхи. Тогда дѣти внимательнѣе слушаютъ наставниковъ, словамъ ихъ болѣе вѣрятъ, во всемъ походить на нихъ стараются, и даже охотнѣе и веселѣе для принятія уроковъ собираются; увѣщаніями ихъ не оскорбляются; когда хвалятъ, радуются; любовь отъ нихъ будутъ заслуживать прилѣжаніемъ. Какъ должность наставниковъ есть учить, такъ обязанность учащихся быть послушными. Одно безъ другаго безполезно. Какъ человѣкъ получаетъ жизнь равно отъ отца и отъ матери; и сѣмена не иначе плодъ производятъ, какъ бывъ ввѣрены землѣ хорошо воздѣланной: такъ и успѣхи въ Краснорѣчіи не иначе раждаются и возрастаютъ, какъ отъ взаимнаго содѣйствія ученика съ учителемъ.

ГЛАВА XI.

Стараться надобно, чтобъ школьныя сочиненія походили, сколько можно болье, на рѣчи Судебныя.

Первыя сіи упражненія, хотя сами по себѣ немаловажны, но ведутъ еще гораздо къ значительнѣйшимъ занятіямъ, составляя какъ бы нѣкоторые члены или части оныхъ. Коль скоро молодой человѣкъ довольно въ нихъ навыкнетъ, то можетъ уже приступить къ роду совѣщательному и судебному. Но прежде, нежели покажу правила, какими руководствоваться въ сихъ случаяхъ должно, за нужное почитаю сказать нѣчто о способѣ сочинять *Декламаціи*: родъ упражненій, вновь изобрѣтенный и гораздо полезнѣйшій изъ всѣхъ прежнихъ. Ибо почти все то, о чемъ говорено выше, въ себѣ заключаетъ, и къ подлиннымъ судебнымъ рѣчамъ весьма близко подходитъ, такъ что многіе и сей одинъ родъ почитаютъ достаточнымъ для усовершенствованія Оратора. И дѣйствительно, заклю-

чаетъ онъ всѣ совершенства Судебнаго Краснорѣчія. Однакожъ, къ сожалѣнію, способъ сей отъ неразумія учащихъ до того искажается, что между главными причинами, содѣйствующими къ порчѣ Краснорѣчія, вольность и невѣжество Декламаторовъ справедливо почитаются. Но что̀ въ существѣ своемъ хорошо, изъ того всегда можно сдѣлать доброе употребленіе. Посему и самые вымыслы должны, сколько можно, менѣе отходить отъ истины: и въ декламаціяхъ надобно подражать тому роду сочиненія, для пріуготовленія къ коему онѣ изобрѣтены. Ибо ни обаянія волхвовъ, ни повсемѣстныя заразы, ни отвѣты оракульскіе, ни жесточайшія, нежели въ трагедіяхъ, мачихи, и другіе баснословные предметы, отнюдь не принадлежатъ къ роду Судебнаго Краснорѣчія.

Чтожъ? По этому не надобно позволять молодымъ людямъ говорить о предметахъ неимовѣрныхъ, или, лучше сказать, стихотворческихъ? Не надобно, чтобъ прибѣгали они къ вымысламъ и тѣмъ пріобрѣтали обиліе и красоты въ словѣ? Конечно, было бы гораздо лучше не позволять имъ сего; или по крайней мѣрѣ, обращать ихъ на предметы великіе, а не на странные, не на безсмысленные и смѣшные для людей со вкусомъ разборчивымъ; если же надобно допустить сіе, то пусть Декламаторъ наполняетъ, чѣмъ хо-

четъ, рѣчь свою, только бы зналъ, что и четвероногихъ животныхъ, отъ неумѣреннаго ядѣнія молодой травы раздувшихся, кровопусканіемъ лѣчатъ, и послѣ на питательнѣйшій кормъ выгоняютъ: такъ и ему избавить себя отъ излишней тучности и очистить отъ поврежденныхъ соковъ нужно, ежели здоровымъ и сильнымъ быть хочетъ. А иначе, сія пустая надутость, при первомъ опытѣ настоящаго дѣла, сама собою окажется.

Тѣ же, кои почитаютъ декламаціи дѣломъ совсѣмъ отличнымъ отъ рѣчей судебныхъ, не знаютъ, съ какимъ намѣреніемъ введены оныя въ употребленіе. Ибо если бы не приготовляли онѣ къ сему роду Краснорѣчія, то походили бы только на выставку театральной ловкости и на неистовый крикъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какая нужда располагать въ свою пользу судью, гдѣ нѣтъ судьи? На что излагать обстоятельства, о которыхъ всѣ знаютъ, что онѣ ложны? Къ чему приводить доказательства въ подтвержденіе такого дѣла, по которому не отъ кого получить рѣшенія? И это еще былъ бы только трудъ напрасный. Но возбуждать гнѣвъ, соболѣзнованіе и другія страсти, не достойно ли посмѣянія, когда таковымъ изображеніемъ войны не навыкаемъ къ истинной опасности и настоящей битвѣ?

Итакъ нѣтъ, скажутъ, никакого различія между рѣчами судебными и декламаціями? Никакого, ежели успѣхъ предположимъ себѣ цѣлію. Не худо бы при семъ ввести также въ обыкновеніе именовать лица, выставлять случаи, въ прямыхъ тяжбахъ и распряхъ затрудняющіе, даже употреблять слова, судопроизводству присвоенныя, и вмѣшивать забавныя изрѣченія: все сіе будетъ для насъ необыкновенно и ново, когда вступимъ на обширнѣйшее поприще, хотя бы въ иномъ чемъ и пріобрѣли опытность, находясь въ училищахъ. Если же декламація единственно на показъ, такъ сказать, сочиняется, то не должно забывать и удовольствія слушателей. Ибо въ такихъ рѣчахъ, которыя на какой ни есть истинѣ основаны, но писаны въ надеждѣ получить одобреніе отъ публики, каковы суть слова похвальныя, и вообще всѣ сочиненія изъ рода доказательнаго, дозволяется употреблять болѣе украшенія, и не только все искуство, которое въ судебныхъ рѣчахъ по бо́льшей части непримѣтно быть должно, смѣло обнаруживаетъ; но и нарочно выказывать предъ людьми, единственно для сего приглашаемыми. Почему декламація, какъ представляющая образъ судебныхъ производствъ и совѣщаній, не должна выходить изъ границъ правдоподобія, а поелику заключаетъ въ себѣ нѣкую торжественность

(epidicticon), то и требуетъ нѣкотораго блеску. Примѣръ комедіанты: они не совсѣмъ такъ произносятъ, какъ мы говоримъ запросто; иначе не было бы тутъ искуства; однакожъ отъ рѣчи естественной не далеко отступаютъ; въ противномъ случаѣ исчезло бы подражаніе: они обыкновенный разговоръ только въ нѣкое театральное убранство облекаютъ....

ГЛАВА XII.

Опровергается мнѣніе тѣхъ, кои полагаютъ, что для Краснорѣчія не нужны правила.

Итакъ я приступаю теперь къ той части Риторики, откуда обыкновенно начинаютъ тѣ, кои опускаютъ предыдущее. Предвижу, что нѣкоторые остановятъ меня при самомъ вступленіи, и скажутъ, что для Краснорѣчія не нужно такого множества правилъ, и даже посмѣются надъ моею заботливостію; имъ кажется довольно природныхъ дарованій, общаго свѣдѣнія въ судопроизводствѣ и небольшаго упражненія въ училищахъ. Такъ думали довольно отличные Ораторы, изъ коихъ одинъ, бывъ вопрошенъ, что есть *фигура* и *что есть мнѣніе*, отвѣчалъ: *я не знаю, но все это найдется въ моей декламаціи, когда понадобится.* Другой на вопросъ (*), Θеодорецъ онъ, или Аполлодорецъ, сказалъ только: *я умѣю дѣлать щиты* (parmularius sum). Не льзя забавнѣе признаться въ своемъ невѣжествѣ.

(*) Θеодоръ и Аполлодоръ были лучшіе того времени учители Краснорѣчія, но разныхъ толковъ.

Впрочемъ, прославившіеся однѣми природными дарованіями и многими достопамятными сочиненіями, имѣютъ довольно подобныхъ себѣ въ нерадѣніи, а весьма мало въ способностяхъ.

Они хвалятся, что говорятъ, будучи споможествуемы внезапными порывами и естественною силою: не почитаютъ ни доказательствъ, ни расположенія, нужными въ предметахъ вымышленныхъ: стараются только о высокихъ мысляхъ, которыя чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ изящнѣе кажутся; отъ чего увеличивается число ихъ слушателей. Да и въ мысляхъ никакимъ порядкомъ не руководствуются: или, смотря вверхъ, часто чрезъ цѣлые дни ожидаютъ, чтобы само собою пришло имъ въ голову что̀ нибудь великое; или непонятнымъ бормотаніемъ, какъ бы звукомъ трубнымъ возбужденные, дѣлаютъ различныя тѣлодвиженія; всѣ усилія ихъ устремлены не на произнесеніе словъ, а на исканіе оныхъ.

Иные прежде, нежели обдумаютъ содержаніе всей рѣчи, берутъ какое ни есть начальное предложеніе, къ коему бы можно было приставить что̀ нибудь краснорѣчивѣйшаго; но, по зрѣломъ размышленіи, находя невозможность связать все то между собою, первое оставляютъ и снова принимаются за другое, а послѣ опять попадаютъ на иное, не меньше извѣстное и обыкновенное.

Да и тѣ, кои слѣдуютъ, кажется, лучшему порядку, не на изъясненіе самаго дѣла, а на изложеніе общихъ мѣстъ трудъ свой употребляютъ; итакъ главнымъ предметомъ бываетъ у нихъ не цѣлая рѣчь, но одни отрывки, какіе только попадутся. По сей причинѣ такая рѣчь, изъ разныхъ, такъ сказать, лоскутковъ, составленная, не можетъ быть связною: она подобна запискамъ, въ которыя вносятъ дѣти то, что въ сочиненіяхъ другихъ имъ полюбится, или похвалено будетъ. Однако и у такихъ Декламаторовъ, какъ они сами хвалятся, нерѣдко встрѣчаются высокія мысли и изрѣченія: не спорю, ибо и отъ людей грубыхъ и даже отъ рабовъ, иногда хорошее слышимъ; и ежели этого довольно, то учиться Краснорѣчію не нужно.

ГЛАВА XIII.

Почему неученые кажутся иногда остроумнѣе другихъ.

Многимъ кажется, что неученые изъясняются лучше и съ бо́льшею силою. Такое погрѣшительное сужденіе происходитъ отъ того, что предполагаютъ они тамъ больше силы, гдѣ меньше искуства: какъ напримѣръ, труднѣе выломать двери, нежели отворить просто; труднѣе разорвать, нежели развязать; труднѣе тащить, нежели вести; здѣсь первые случаи требуютъ силы, а не искуства. Мечебоецъ, который умѣя владѣть оружіемъ, стремглавъ въ бой бросается, и борецъ, который всѣмъ тѣломъ налегаетъ на то, что̀ уже однажды попалось ему въ руки, почитается у нихъ храбрѣйшимъ; между тѣмъ не замѣчаютъ, что и сей часто отъ собственныхъ усилій повергается на землю, и тотъ отъ стремительности своей побѣждается, при малѣйшемъ отраженіи искуснаго сопротивника.

Но здѣсь есть нѣкоторыя наружности, коими простые люди легко обмануться могутъ.

Ибо раздѣленіе слова на части, впрочемъ весьма нужное, ослабляетъ предъ ними силу доказательствъ; выраженія грубыя и безъ всякаго разбора повсюду разбросанныя, представляются имъ важнѣе и обильнѣе, нежели рѣчь, со тщаніемъ обработанная и приведенная въ надлежащій порядокъ.

Кромѣ того, между совершенствами и недостатками есть нѣкое сближеніе, по коему злорѣчивый человѣкъ кажется иногда свободнымъ, дерзкій смѣлымъ, болтунъ обильнымъ въ мысляхъ. Невѣжда рѣдко хранитъ мѣру: худый стряпчій, говоря предъ судіями неосторожно, хотя дѣло истца своего, а иногда и самаго себя подвергаетъ опасности; однако симъ же самымъ нерѣдко и выигрываетъ; ибо люди съ удовольствіемъ слушаютъ то, чего бы сами сказать не хотѣли.

Онъ также неосмотрителенъ въ выраженіяхъ: на все отваживается; ничто его не останавливаетъ. По сему ища непрестанно лишняго, находитъ иногда и высокое. Но сіе случается рѣдко, и не вознаграждаетъ прочихъ недостатковъ.

По тому еще кажутся неученые обильнѣе въ словѣ, что у нихъ, что̀ на умѣ, то и на языкѣ: ученые же разбираютъ, что̀ и какъ сказать.

Къ сему прибавить надобно, что они мало думаютъ о цѣли предмета своего; стараются

избѣгать тѣхъ изысканій и доводовъ, кои худымъ знатокамъ кажутся холодными: а пекутся только, какъ бы пріятнымъ пустословіемъ усладить ухо слушателей.

Да и острыя изрѣченія, за которыми они единственно гоняются, блистательнѣе кажутся въ рѣчи ихъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ хуже и ничтожнѣе всѣ другія мѣста: *какъ свѣтъ*, по словамъ Цицерона, *въ совершенномъ мракѣ гораздо блистаетъ ярчѣе, нежели въ тѣни.* Итакъ пусть называютъ таковыхъ остроумными; но только то неоспоримо, что подобная похвала была бы обидна для истиннаго Оратора.

Однако надобно признаться, что наука убавляетъ нѣсколько обилія въ словѣ, какъ пила отнимаетъ нѣчто, гладя неровное, оселокъ, точа тупое, и время, удобряя вина; но отнимаетъ только негодное: слово, очищенное по правиламъ отъ излишняго, чрезъ сію убавку становится совершеннѣе.

Они стараются чрезъ произношеніе свое прослыть сильными Витіями. Ибо кричатъ безпрестанно, или лучше сказать, ревутъ и неистовствуютъ, бросаясь во всѣ стороны, сильно переводя духъ, и дѣлая необычайныя тѣлодвиженія. Всплескиваютъ руками, топаютъ ногами, ударяютъ себя по бедрамъ, въ грудь, и въ лобъ; что все крайне нравится простонародію. Но

истинный Орапоръ, какъ въ сочиненіи рѣчи своей многое умѣрять, перемѣнять, располагать, такъ и въ произношеніи всегда наблюдать пристойность и приличіе, знать долженъ; а, что еще важнѣе, умѣть и быть и казаться скромнымъ.

Итакъ они называютъ силою то, что̀ есть прямое неистовство. А между тѣмъ есть не только декламаторы, но еще къ бо́льшему стыду, самые учители, кои, возмечтавъ безмѣрно о своихъ дарованіяхъ и пренебрегши всѣ правила, увлекаются часто такими вредными порывами; тѣхъ же, кои наиболѣе чести приносятъ наукамъ, называютъ неспособными, сухими, боязливыми, слабоумными и всѣми обидными именами, какія только придутъ имъ въ голову.

Поздравимъ таковыхъ, кои безъ труда, безъ знанія, безъ науки сдѣлались краснорѣчивыми: мы же, оставивъ и должность общественнаго наставника, и прекративъ занятія по дѣламъ судебнымъ (ибо почли за пристойнѣйшее отъ всего того отказаться, пока еще никому не наскучили), употребимъ свободное время, въ утѣшеніе наше, на собраніе и изложеніе правилъ, какія почитаемъ нужными для благоразумныхъ юношей, и что намъ самимъ приноситъ истинное удовольствіе.

ГЛАВА XIV.

КАКЪ ДЕРЖАТЬСЯ НАДОБНО ПРЕПОДАВАЕМЫХЪ ПРАВИЛЪ.

I. Ораторъ не долженъ почитать правилъ за непремѣнные законы. II. Имѣть въ виду, что должно и что прилично.

I. Да не требуетъ никто отъ меня такихъ правилъ, какія многими писателями преподаются: я буду предлагать ихъ отнюдь не въ видѣ непремѣняемыхъ законовъ для учащихся Краснорѣчію. Обыкновенно первое мѣсто назначается для *вступленія* съ принадлежностями, засимъ для *повѣствованія* съ его качествами; послѣ для *предложенія*, или, какъ другіе называютъ, *отступленія:* наконецъ поставляется порядокъ въ изложеніи мыслей и доказательствъ; что все нѣкоторые въ точности исполняютъ, какъ закономъ предписанное. Риторика была бы наукою весьма легкою и маловажною, ежели бы состояла изъ толь малаго числа краткихъ пра-

*

вилъ. Нѣтъ, въ сихъ правилахъ многое измѣняется, смотря по роду дѣла, по времени, случаю и нуждѣ. По сему-то въ Ораторѣ всего нужнѣе здравый разсудокъ; ибо онъ со всѣми встрѣчающимися обстоятельствами сообразоваться долженъ.

Что было бы, если бъ предписывалось Полководцу, всякой разъ, какъ войско ставитъ въ боевой порядокъ, чтобы прежде выводилъ авангардію, подвигалъ крылья по обѣ стороны, конницу помѣщалъ подлѣ крылъ? Это было бы, можетъ статься, самое лучшее расположеніе, когда бы позволили обстоятельства: но ежели перемѣнится положеніе мѣста, ежели встрѣтится гора, ежели представится рѣка, ежели холмы, лѣсъ, и другія неровности, сему попрепятствуютъ; тогда, смотря по силамъ непріятеля, и по предстоящей опасности, все то перемѣнить принужденъ онъ будетъ: сражаться или прямо выставленнымъ строемъ, или острымъ угломъ, или запаснымъ отрядомъ, или цѣлымъ полкомъ: а иногда показывать тылъ притворнымъ бѣгствомъ. Такъ и въ рѣчи надобно знать, нужно ли, или излишно вступленіе, и притомъ краткое или пространное; обращать ли всю рѣчь къ судіямъ, или и къ другому лицу, употребивъ на то какую либо фигуру; успѣшнѣе ли для защищаемаго дѣла повѣствованіе короткое или длин-

ное, непрерывное, или раздѣленное на части, въ естественномъ или превратномъ порядкѣ. Также и въ *изслѣдованіяхъ*, часто по одному и томуже дѣлу, полезнѣе для насъ начинать съ той статьи, а для противника съ другой. Ибо правила не суть законы непреложные: ихъ изобрѣла польза. Не спорю однакожъ, что лучше слѣдовать онымъ; а иначе, я и не писалъ бы ихъ: но ежели сіяже польза заставитъ иногда отступить отъ нихъ, то должно оную предпочесть правиламъ наставниковъ.

II. При всемъ томъ, не престану я еще настоять, чтобъ Ораторъ имѣлъ всегда предъ глазами двѣ вещи: приличіе и пользу. Часто бываетъ полезно и отступать нѣсколько отъ обыкновеннаго порядка, а иногда и прилично: какъ видимъ въ статуяхъ и картинахъ: и одежда и лице, и положеніе различно. Въ прямомъ и неподвижномъ тѣлѣ нѣтъ ни малой красоты. Прямо изваянная или написанная голова, опущенныя руки и сжатыя ноги, сверьху до низу дѣлаютъ изображеніе принужденнымъ и непріятнымъ. А наклоненіе, или, да такъ скажу, движеніе придаетъ нѣкоторую живость. А потому руки и лице принимаютъ тысячу видовъ. Однѣ изъ таковыхъ изображеній кажутся стремящимися и бѣгущими: другія представляются сидящими, или наклонившимися; иныя наги или

одѣты, а нѣкоторыя въ томъ и другомъ состояніи вмѣстѣ. Что̀ можно видѣть въ уродливѣйшемъ и труднѣйшемъ положеніи, какъ *метатель круга* (*) *Мирона?* Но если бы вздумалъ кто охуждать хотя мало что̀ въ сей статуѣ, не показалъ ли бы крайняго своего невѣжества въ художествѣ, въ коемъ особенно удивленія достойна та самая новость и трудность работы? Таковуюже красоту и пріятность придаютъ слову фигуры въ мысляхъ и реченіяхъ. Ибо измѣняютъ онѣ нѣкоторымъ образомъ правильность и бываютъ тѣмъ самимъ разительнѣе, что отступаютъ отъ обыкновеннаго образа рѣчи.

Въ живописи изображается лице всё. Но Апеллесъ написалъ криваго Антигона въ профиль, чтобы скрыть безобразіе. Равно и въ рѣчи многое скрывать надлежитъ по тому, что инаго говорить не должно, а инаго выразить по достоинству не можно. Такъ поступилъ Тимантъ Цитнійскій, написавъ ту картину, которою одержалъ верхъ надъ славнымъ живописцемъ Теоскимъ, Колотомъ. Ибо при закланіи Ифигеніи, представилъ Калхаса печальнымъ, Улисса еще печальнѣйшимъ, Менелаю далъ видъ величайшей горести, какую только можетъ изобразить высокое художество: такимъ образомъ

(*) Миронъ былъ искусный ваятель.

истощивъ все свое искусство, и не находя возможности достойно выразить лице родителя, закрылъ ему голову, и предоставилъ самимъ зрителямъ судить о его внутреннихъ чувствованіяхъ. Не тоже ли почти сдѣлалъ Саллустій (въ Югурѳ.), сказавъ: *Я думаю, что о Карѳагенѣ умолчать лучше, нежели упомянуть только вскользь.*

По симъ причинамъ, я наименѣе подчинялъ себя тѣмъ правиламъ, которыя называются отъ нѣкоторыхъ всеобщими или постоянными. Ибо рѣдко найдется такой родъ сочиненія, въ которомъ бы не льзя было нѣсколько отступить отъ оныхъ. Но о семъ пространнѣе скажу на своемъ мѣстѣ. А между тѣмъ отнюдь не хочу, чтобъ юноши почитали себя уже довольно успѣвшими, и въ дальнѣйшихъ наставленіяхъ нужды не имѣющими, когда выучатъ только краткія, нынѣ въ употребленіе введенныя, и за непреложныя выдаваемыя правила. Великаго труда, непрерывнаго ученія, многихъ опытовъ, совершеннаго благоразумія и здраваго разсудка требуетъ наука Краснорѣчія. Не должно однакожъ и пренебрегать сихъ правилъ, ежели онѣ на прямый путь наставляютъ, а не одну какую нибудь узкую стезю показываютъ; кто думаетъ, что уклоняться отъ нея не надобно, тотъ по неволѣ сдѣлается медленъ, какъ ходящій по веревкѣ.

Итакъ мы будемъ здѣсь часто и большой дороги держаться, и избирать иногда кратчайшую; какъ, встрѣтивъ на прямомъ пути снесенные разлитіемъ водъ мосты, обходить принуждены бываемъ, и какъ, бывъ пожаромъ захвачены въ домѣ, не всегда дверьми, но и въ окно спасаемся. Мы предпринимаемъ трудъ весьма обширный, многообразный и почти на всякомъ шагу новый; обнять всего словами нѣтъ возможности. Однако попытаюсь изложить и то, что писано о семъ и другими, избрать изъ того лучшее, иное перемѣнить, а индѣ прибавить или убавить, если признáется за нужное.

ГЛАВА XV.

Раздѣленіе всего сочиненія.

Риторику можно, по мнѣнію моему, раздѣлить на три части: въ первой будемъ разсуждать о *искуствѣ*, во второй объ *искусникѣ*, въ третьей о самомъ произведеніи. Искуствомъ будетъ то, чему по правиламъ учиться должно; и это составляетъ науку хорошо говорить; искусникъ есть тотъ, кто постигъ сіе искуство, т. е. Ораторъ, коего цѣль есть хорошо говорить. *Произведеніе* же то, что дѣлаетъ искусникъ, то есть, хорошая рѣчь. Все сіе опять раздѣляется на виды, о коихъ скажемъ на своемъ мѣстѣ; теперь же начну съ первой части.

ГЛАВА XVI.

Опровергнувъ мнѣнія нѣкоторыхъ, утверждаетъ, что Риторика есть знаніе красно говорить; какая цѣль оной.

Прежде всего надобно знать, что̀ есть Риторика? ей сдѣлать можно разныя опредѣленія; но здѣсь еще предлежатъ два вопроса къ разрѣшенію: одинъ о качествѣ самой вещи, а другой о словахъ, какими опредѣлить ее должно; вотъ въ чемъ состоитъ разногласіе! Нѣкоторые думаютъ, что и порочный человѣкъ можетъ быть хорошимъ Ораторомъ; а иные, съ мнѣніемъ коихъ и я согласенъ, названіе и искуство, о которомъ разсуждаемъ, приписываютъ только людямъ добрымъ и честнымъ.

Тѣ, кои отдѣляютъ Краснорѣчіе отъ лучшаго и наиболѣе желательнаго достоинства въ человѣкѣ.... должность Оратора полагаютъ въ убѣжденіи, или въ словѣ, къ убѣжденію слушателей приспособленномъ. Ибо дѣлать сіе можно и не бывъ добрымъ человѣкомъ. Итакъ чаще всего говорятъ, что Риторика состоитъ въ спо-

собности и силѣ убѣждать. Такое мнѣніе получило начало свое отъ Исократа, ежели только сочиненіе, которое подъ его именемъ выдается, подлинно ему принадлежитъ. Онъ конечно не имѣлъ намѣренія унизить должности Оратора, но при всемъ томъ сдѣлалъ неосторожное опредѣленіе, назвавъ Риторику *Творительницею убѣжденія*, т. е. *πειθοῦς δημιουργὸν*. У Платона Горгій, въ книгѣ, которая названа его именемъ, говоритъ почти тоже: но Платонъ выдаетъ сіе мнѣніе за Горгіево, а не за свое собственное. Цицеронъ (1. de Orat. 260. 1. de Inven. 6.) на многихъ мѣстахъ говоритъ, что должность Оратора есть убѣждать словомъ: и въ своихъ Риторическихъ сочиненіяхъ, которыя и самъ, безсомнѣнія, не во всемъ одобряетъ, цѣль Краснорѣчія поставляетъ въ убѣжденіи.

Но убѣждаетъ и богатство, и довѣренность, и власть говорящаго, часто достоинство, и даже одно воззрѣніе, безъ помощи слова, приводящее на память слушателямъ чьи-либо заслуги, одно печальное лице, одна красота наружная умы увлекаетъ. Ибо и Антоній, какъ сказываютъ, защищая М. Аквилія, разодравъ одежду, показалъ раны, которыя получилъ обвиняемый, сражаясь за отечество; онъ не надѣялся на рѣчь свою, но поразилъ взоры народа Римскаго, который таковымъ зрѣлищемъ былъ умиленъ до

шого, что простилъ виновнаго. Сергій Гальба избѣжалъ строгости законовъ не иначе, какъ только возбудивъ сострадание въ зрителяхъ: онъ не только своихъ малолѣтныхъ дѣтей привелъ въ собраніе, но и сына Галла Сулпиція принесъ на рукахъ своихъ; такъ повѣствуютъ Историки, да и защитительная рѣчь Катонова о томъ свидѣтельствуетъ. Увѣряютъ, что и Фрина не краснорѣчію Иперида, впрочемъ превосходному, но своей тѣлесной красотѣ, одолжена была своимъ спасеніемъ; ей стоило только обнажить оную предъ судіями. Ежели всѣ таковые случаи убѣждать могутъ, то выше показанное опредѣленіе Риторики недостаточно.

Посему-то почитаютъ себя правѣе тѣ, кои, будучи тогоже мнѣнія о Риторикѣ, полагали, что состоитъ она въ силѣ убѣждать словомъ. Такоеже опредѣленіе даетъ ей Горгій въ вышепоказанной книгѣ, какъ бы увлеченный Сократомъ. Въ этомъ соглашается и Ѳеодектъ, въ одномъ Риторическомъ сочиненіи, которое извѣстно подъ его именемъ, и которое многими приписывается Аристотелю: тамъ сказано, что цѣль Риторики есть склонять людей словомъ на ту сторону, куда Ораторъ захочетъ. Но и сего недовольно. Ибо убѣждаютъ словомъ, или склоняютъ, на что̀ хотятъ, и другіе, какъ-то, прелестницы, ласкатели, развратники. А напро-

тивъ Ораторъ не всегда убѣждаетъ: такъ что сіе не есть иногда собственною его цѣлію, а общимъ предметомъ съ людьми, кои отнюдь не Ораторы....

Нѣкоторые еще иначе мнили, какъ Аристотель, который говоритъ: *Риторика есть способность или сила изобрѣтать все, что можетъ убѣждать въ рѣчи.* Сіе опредѣленіе имѣетъ тотъ же недостатокъ, который я выше замѣтилъ. А сверхъ того, оно не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе, кромѣ изобрѣтенія, которое, бывъ отдѣлено отъ изложенія, не можетъ составлять рѣчи.

Изъ Горгія видно, что Платонъ не охуждалъ Риторики, а только давалъ знать, что она должна основываться на честномъ и справедливомъ. Въ Федрѣ еще яснѣе показываетъ онъ, что сія наука не можетъ быть совершенна безъ строгаго наблюденія справедливости: тогожъ мнѣнія и мы держимся. Да и что бы онъ могъ безъ сего написать въ защищеніе Сократа и въ похвалу гражданъ, за отечество животъ свой положившихъ? Онъ порицалъ только тѣхъ Ораторовъ, кои даръ Краснорѣчія во зло употребляли. И самому Сократу рѣчь, сочиненная Лисіемъ въ его оправданіе, показалась недостойною; ибо въ то время былъ обычай, что Ораторы писали рѣчи для обвиняемыхъ, а сіи

произносили ихъ за свои собственныя; и такимъ подлогомъ законъ, коимъ запрещалось говорить въ судѣ за другаго, нарушали. Платонъ охуждаетъ также и тѣхъ учителей, кои Риторику отъ справедливости отдѣляютъ, и правдоподобное предпочитаютъ истинному. Это читаемъ въ Федрѣже.

Вотъ извѣстнѣйшія опредѣленія Риторики, о которыхъ особенно происходятъ споры: вычислять всѣ подробно, здѣсь и не мѣсто, и мнѣ не можно. Сочинители учебныхъ книгъ не совсѣмъ, по мнѣнію моему, разсудительно, стараются избѣгать тѣхъ словъ, какія употреблены предшественниками ихъ въ опредѣленіяхъ: я далекъ отъ сего самолюбія. Буду предлагать не собственныя мои изобрѣтенія, но то, что найду и у другихъ дѣльнаго, какъ напримѣръ и сіе опредѣленіе: *Риторика есть наука хорошо говорить;* ибо кто нашедши лучшее, ищетъ чего нибудь еще, тотъ хочетъ попасть на худшее. Принявъ такое опредѣленіе Риторики за основаніе, увидимъ и конецъ ея, или цѣль, къ коей вся наука относится. Ибо ежели она есть наука хорошо говорить, то вотъ уже и цѣль ея.

ГЛАВА XVII.

ПОЛЕЗНА ЛИ РИТОТИКА?

I. Опровергаетъ возраженія противъ Риторики. II. Приписываетъ великую похвалу Краснорѣчію.

I. Слѣдуетъ вопросъ, полезна ли Риторика? Ибо есть люди, кои жестоко возстаютъ противъ нее: и, что всего недостойнѣе, напрягаютъ силы краснорѣчія на порицаніе Краснорѣчія. Говорятъ, что Риторика обаяніемъ своимъ часто избавляетъ злодѣевъ отъ наказанія, а невинныхъ осуждаетъ; что ею худые совѣты берутъ верхъ надъ добрыми, и не только мятежи народные, но и непримиримыя брани возбуждаются; что наконецъ употребляется она наиболѣе тамъ, гдѣ истина препобѣждается ложью. Комики (Аристоф. въ облак.) взводятъ на Сократа, будто бы онъ училъ, какъ неправое дѣло дѣлать правымъ: Тизіасъ и Горгій, по словамъ Платона, тѣмъже хвалились. Доказываютъ сіе и примѣ-

рами, изъ Греческой и Римской Исторіи взятыми; исчисляютъ Ораторовъ, кои гибельнымъ краснорѣчіемъ своимъ не только частнымъ, но и государственнымъ дѣламъ вредъ наносили, возмущали, а иногда низпровергали цѣлыя республики: что по сей самой причинѣ Краснорѣчіе изгнано было изъ Лакедемона; и въ Аѳинахъ также, гдѣ Оратору возбуждать сильныя страсти воспрещалось, было оно заключено въ тѣсные предѣлы.

Когда бы возраженія сіи были справедливы, то и полководцы и градоправители были бы не нужны, и врачебная наука, и самая Философія безполезны. Ибо и полководецъ Фламиній потерялъ нѣкогда битву, и градоправители Гракхи, Сатурнины, Главціи Римъ возмущали, и въ лѣкарства ядъ входитъ, и въ носящихъ недостойно имя Философовъ величайшія злодѣянія нерѣдко видимъ. Не уже ли и не принимать пищи, потому что часто производитъ перемѣну въ нашемъ здоровьѣ? Не уже ли и не входить въ домы, потому что иногда обваливаются на живущихъ? Не уже ли и не ковать меча для воина, потому что можетъ употребить его и разбойникъ? Кто не знаетъ, что огонь, вода, безъ которыхъ жить невозможно, и даже главнѣйшія изъ свѣтилъ небесныхъ, Солнце и Луна, иногда вредъ наносятъ?

II. Да не слѣпецъ ли Аппій краснорѣчіемъ своимъ отвратилъ Сенатъ отъ заключенія постыднаго мира съ Пирромъ? Не божественное ли М. Туллія витійство уничтожило вредный законъ о раздѣлѣ полей? Не оно ли и дерзость Катилины сокрушило? Не оно ли доставило мирному гражданину почести, которыя побѣдоносным только военачальникамъ воздаются? Устрашеннымъ воинамъ не возвращаетъ ли Ораторъ часто прежнюю бодрость? И вдающимся во всѣ опасности ратникамъ не онъ ли внушаетъ мысль, что слава лучше самой жизни? Я не смотрю на Лакедемонянъ и Аѳинянъ; для меня важнѣе примѣръ Римскаго народа, который всегда отличную честь оказывалъ Ораторамъ. Да и основатели городовъ не иначе, думаю, достигали своей цѣли: совокупить разсѣянное множество людей въ одинъ народъ, безъ сильнаго убѣжденіемъ слова не можно: и законодатели безъ высокаго краснорѣчія, не могли подчинить людей строгости гражданскихъ уставовъ. Даже правила общежитія, хотя внушены самою природою, однако болѣе тогда способствуютъ къ исправленію нравовъ, когда красоту вещей озаряетъ ясность слова. Итакъ хотя можно краснорѣчіе обращать на то и на другое употребленіе, однако не справедливо было бы почитать зломъ ту вещь, которую можно употребить и на доброе.

Но пусть таковыя разбирательства остаются при тѣхъ, кои всю цѣль Риторики полагаютъ въ силѣ убѣжденія. Если же она состоитъ въ искуствѣ хорошо говорить, каковому опредѣленію и мы послѣдуемъ, и ежели Ораторъ преимущественно долженъ быть человѣкъ честный, то не льзя не признать ея пользы.

И дѣйствительно Создатель міра ничѣмъ столько не отличилъ человѣка отъ прочихъ животныхъ, какъ даромъ слова. Мы видимъ, что безсловесныя превосходятъ насъ величиною тѣла, силою, терпѣніемъ, скоростію, и меньше требуютъ посторонней помощи. Ибо и ходить и промышлять пищу, и преплывать воды, безъ наставника, самою природою научаются. Большая часть изъ нихъ въ собственномъ тѣлѣ находятъ защиту отъ стужи, имѣютъ естественное противъ враговъ оружіе, и кормъ почти повсюду встрѣчаютъ. А человѣку все сіе великаго труда стóитъ. За то данъ намъ разумъ, и посредствомъ онаго Творецъ восхотѣлъ насъ пріобщить существамъ безсмертнымъ. Но самый разумъ послужилъ бы намъ не великою помощію, и являлся бы не въ полномъ блескѣ, еслибы не могли мы словомъ выражать того, что мыслію постигаемъ: сего-то и недостаетъ въ животныхъ болѣе, нежели нѣкоего смысла или разумѣнія. Ибо строить логовища, вить гнѣзды, вы-

водить и воспитывать птенцовъ, запасать на зиму кормъ, и составлять нѣчто для насъ неподражаемое, какъ то, воскъ и медъ, есть дѣло, можетъ быть, нѣкотораго искуства: однако все называются онѣ безсловесными и неразумными тварями, потому что не имѣютъ способности говорить. Да и человѣку нѣмому много ли помогаетъ разумъ, сіе небесное вдохновеніе?

Итакъ ежели нѣтъ лучшаго дара, воспріятаго нами отъ Бога, какъ даръ слова, то что̀ иное можетъ быть достойнѣе попеченія и трудовъ нашихъ? Въ чемъ желательнѣе превзойти людей, какъ не въ томъ, чѣмъ люди превосходятъ прочихъ животныхъ, тѣмъ паче, что никакой трудъ толь обильнаго плода не приноситъ. Мы въ этомъ совершенно увѣримся, если представимъ себѣ, какъ и на какую степень совершенства вознесено нынѣ Краснорѣчіе, и еще вознестись можетъ. Ибо не говоря уже, что защищать друзей, направлять совѣтами Сенатъ, народъ и войско, полезно и прилично честному человѣку: не лестно ли только и то, чтобы общею со всѣми способностію мыслить, пріобрѣсти столько превосходства и славы, чтобъ слова въ устахъ Оратора, какъ въ устахъ Перикла, казались не словами, а молніею и громомъ?

*

ГЛАВА XVIII.

ДОЛЖНО ЛИ РИТОРИКУ ПОЧИТАТЬ ЗА ИСКУСТВО.

Опровергнувъ противныя мнѣнія, утверждаетъ, что Риторика есть искуство.

Не было бы и конца, еслибы я, увлекаясь чувствіемъ удовольствія, захотѣлъ еще далѣе разпространиться о семъ предметѣ. Итакъ перейдемъ къ слѣдующему вопросу: искуство ли Риторика? Изъ всѣхъ тѣхъ, кои писали правила Краснорѣчія, никто въ этомъ нимало не сомнѣвался; самыя заглавія книгъ ихъ свидѣтельствуютъ, что они предлагали *о Риторскомъ искуствѣ*. И Цицеронъ (1. de Invent.) Риторику называетъ искуственнымъ Краснорѣчіемъ. Сіе мнѣніе не Ораторы только въ особенности себѣ присвояли, думая придать чрезъ то нѣкоторую цѣну своимъ наставленіямъ: но согласуются съ ними и многіе Философы, Стоики и Перипатетики. Признаюсь, я долго колебался, присту-

пать ли мнѣ къ сужденію о семъ вопросѣ. Ибо можно ли найти человѣка, не говорю, столько малосвѣдущаго, но столько невѣжественнаго, который бы воображалъ, что строить домы, составлять ткани, и дѣлать изъ земли сосуды, безъ науки невозможно: а о Краснорѣчіи, которое есть самое превосходное и прекрасное дѣло, какъ мы показали выше, подумалъ бы, что оно достигло до высочайшей степени совершенства безъ всякой науки. Я скорѣе повѣрю, что противники сему не прямо такъ думали, а хотѣли только показать остроту ума изложеніемъ толь труднаго дѣла: какъ (*) Поликратъ хвалилъ Бузирида и Клитемнестру; и какъ онъже, и съ такимъже намѣреніемъ, по сказанію Древнихъ, написалъ рѣчь противъ Сократа.

Нѣкоторые полагаютъ, что Риторика есть даръ природы, однако не отрицаютъ, чтобы ей не помогало и упражненіе. И у Цицерона, въ книгахъ объ Ораторѣ, Антоній называетъ ее нѣкоторымъ наблюденіемъ, а не наукою. Цицеронъ не выдавалъ то за самую истину; онъ хотѣлъ только выдержать лице Антонія, кото-

(*) Поликратъ, Аѳинянинъ, по бѣдности своей, принужденъ былъ на островѣ Кипрѣ представлять лице Софиста. Онъ написалъ похвальное слово Бузириду, Тирану Египетскому, который обыкновенно закалалъ людей въ жертву богамъ своимъ.

рый умѣлъ скрывать искуство въ своихъ сочиненіяхъ.

Лисій былъ, кажется, сегоже мнѣнія; онъ основывался на томъ, что люди неученые, простые и самаго низкаго состоянія, защищая свои выгоды, показываютъ въ рѣчахъ своихъ нѣчто похожее на приступъ, на повѣствованіе, на доказательство, на опровержение, и все то оканчиваютъ прозьбою, что служитъ вмѣсто заключенія. Такое мнѣніе стараются иные подкрѣпить и слѣдующими пустыми тонкостями: „что отъ науки происходитъ, того не было „прежде науки: а люди всегда говорили и за се„бя самихъ и противъ другихъ; ибо первые учи„тели сего искуства поздо появились, т. е. око„ло временъ Тизія и Коракса: слѣдовательно „Краснорѣчіе существовало прежде науки, и по„тому Риторика не есть наука." Мы не будемъ изыскивать, когда именно начали люди учиться Риторикѣ: хотя и находимъ у Гомера, и Феникса, наставника въ словѣ и въ дѣлѣ, и многихъ Ораторовъ, и всѣ роды рѣчи въ привѣтствіи трехъ вождей, отправленныхъ въ посольство, и состязаніе юношей о наградѣ за краснорѣчіе: и даже между украшеніями на щитѣ Ахиллесовомъ изображены тяжущіеся и ихъ стряпчіе.

Довольно будетъ, ежели въ отвѣтъ на сіе скажу, что все, усовершаемое наукою, имѣетъ

начало отъ самой природы: а иначе, изъ числа наукъ надлежало бы исключить врачебную, которая родилась отъ наблюденія, произведеннаго надъ вещами полезными и вредными здоровью, и, какъ нѣкоторые полагаютъ, вся состоитъ изъ опытовъ. Ибо и раны перевязывались прежде, нежели появилась сія наука: и отъ лихорадки покоемъ и воздержаніемъ избавлялись, не потому однакожъ, чтобъ нуинъ участвовалъ разсудокъ, но что самая болѣзнь къ тому принуждала. И зодчество не было бы искуство; ибо первые люди и безъ него шалаши свои ставили. И музыка не искуство; потому что всѣ народы имѣли свои пѣсни и пляски. Такимъ образомъ, ежели можно краснорѣчіемъ назвать всякую рѣчь, то уступаю, что она была прежде науки. А ежели не всякъ тотъ, кто говоритъ, есть Ораторъ, и говорили люди тогда не какъ Ораторы; то и слѣдуетъ, что искуство произвело Оратора, и что оно существовало прежде его.

Симъже самимъ опровергается и слѣдующее возраженіе: то не зависитъ отъ искуства, что дѣлается само собою, безъ ученія; а люди говорить умѣютъ, и не учася. Возражающіе утверждаютъ сіе примѣрами Демада, гребца, и Есхина, комедіанта. Но они обманываются; не учась, не льзя сдѣлаться Ораторомъ: да и о приводимыхъ ими лицахъ справедливѣе сказать

можно, что они поздо учиться начали, а не то, чтобы совсѣмъ не учились. Есхинъ съ малолѣтства знакомъ былъ съ науками, которымъ обучалъ самъ отецъ его; о Демадѣ же не извѣстно достовѣрно, вовсе ли онъ не учился, и только ли отъ непрестаннаго упражненія въ театральныхъ представленіяхъ могъ сдѣлаться Ораторомъ, поелику и сіе служитъ великимъ пособіемъ въ ученіи. Но можно думать, что онъ былъ бы превосходнѣе при помощи науки. Ибо не осмѣлился выдать въ свѣтъ рѣчей своихъ, сколько ни сильны были онѣ въ устахъ его....

Другое возраженіе, на клевету похожее: „никакая наука не допускаетъ ложныхъ мнѣній, поелику не можетъ существовать безъ правилъ, „которыя должны быть всегда истинны: а Риторика допускаетъ ложное; слѣдовательно не „есть искуство.“ Признаюсь, что Риторика иногда допускаетъ ложное вмѣсто истиннаго; но не вводитъ въ ложное мнѣніе: ибо великая разница въ томъ, какъ представляется дѣло намъ самимъ, и какъ другимъ. Часто и полководцы прибѣгаютъ къ хитрости и обману. Аннибалъ, когда былъ запертъ Фабіемъ, приказалъ навязать сухаго хворосту на рога воловъ, и зажегши оный, гнать сихъ животныхъ на противуположныя горы; чѣмъ подалъ видъ непріятелю, что войско Карѳагенское отступаетъ; но

здѣсь обманулъ онъ Фабія, а самъ зналъ прямое состояніе дѣла. Ѳеопомпъ, Лакедемонянинъ, когда, обмѣнявшись съ женою своей одеждою, вышелъ изъ темницы подъ ея видомъ, самъ отнюдь не былъ въ заблужденіи, а только стражу ввелъ въ оное. Равнымъ образомъ Ораторъ, выдавая ложь за истину, знаетъ заподлинно, что̀ дѣлаетъ; слѣдовательно не самъ обманывается, а другаго обманываетъ. Цицеронъ хвалился, что, защищая дѣло Клуенція, мракомъ окружилъ судей; не ужели самъ ничего не видѣлъ? И живописецъ, который посредствомъ искуства своего показываетъ намъ, будто бы нѣкоторые предметы на картинѣ выдались, а нѣкоторые вдались, не ужели самъ не знаетъ, что вся она на одной плоскости?

Намъ еще возражаютъ, что „всякая наука „имѣетъ какую нибудь цѣль, къ коей клонится: „а Риторика или совсѣмъ не имѣетъ цѣли, или „до нея не достигаетъ.“ Ошибаются. Ибо мы уже показали цѣль и то, въ чемъ оная состоитъ. Ораторъ всегда достигнетъ своего предмета, когда будетъ говорить хорошо. Сіе возраженіе относиться можетъ къ тѣмъ, кои цѣль Риторики полагаютъ въ убѣжденіи. Нашъ Ораторъ и наша наука не зависятъ отъ удачи. Говоря предъ судіями, стараемся, правда, выиграть дѣло: но если хорошо говоримъ, то хотя

бы и не получили желаемаго успѣха, все исполняемъ предписанное наукою. Кормчій желаетъ благополучно войти съ кораблемъ въ пристанище: и хотя возставшая буря тому воспрепятствуетъ, но онъ не престанетъ быть кормчимъ, и скажетъ: (*) *Dum clavum rectum teneat*, т. е. *только бы не выпустить мнѣ кормила*. И врачъ старается помочь больному; и хотя по жестокости болѣзни, или по невоздержанію больнаго, или по другому какому ни есть случаю, не успѣетъ; но ежели употребилъ всѣ средства, врачебною наукою показанныя, не льзя почесть его удалившимся отъ своей цѣли. Такъ и Оратора единственная цѣль есть хорошо говорить. Искуство сіе заключается въ дѣйствіи, а не въ послѣдствіяхъ, какъ покажу вскорѣ. Итакъ не справедливо полагаютъ, что прочія науки знаютъ, когда цѣли своей достигнуть могутъ, а Риторика не знаетъ: ибо Ораторъ вѣдаетъ, что онъ хорошо говоритъ.

Еще винятъ Риторику, что она и самые пороки употребляетъ въ свою пользу, къ чему никакая другая наука не прибѣгаетъ: что она и ложное утверждаетъ, и возбуждаетъ страсти. Но и то и другое не вредитъ, если дѣлается

(*) Полустишіе, взятое изъ какого нибудь Стихотворца; нѣкоторые думаютъ, изъ Эннія.

съ добрымъ намѣреніемъ, слѣдовательно и не порокъ. Ибо говорить неправду иногда и мудрому позволительно, и возбуждать страсти Оратору нужно, когда судью къ справедливости иначе подвигнуть не можно. Часто судьи бывают люди простые, несвѣдущіе; потребенъ не рѣдко обманъ, чтобъ не допустить до заблужденія. Еслибъ судилища всегда состояли изъ сословія мудрыхъ, которые не предубѣждались бы ни ненавистію, ни пріятностію, ни страхомъ, ни надеждою, ни ложными свидѣтелями, тогда мало мѣста осталось бы для краснорѣчія; оно служило бы однимъ услажденіемъ для слушателей. Но ежели имѣешь дѣло съ людьми пристрастными, ежели истинѣ противополагается безчисленное множество препятствій, то необходимо надобно сражаться и хитростію и всѣмъ тѣмъ, что только можетъ обратить къ здравому разсудку. Ибо кто съ прямой дороги сбился, того опять вывести на нее иначе нельзя, развѣ околицею.....

Вотъ главныя возраженія противъ Риторики: всѣ другія слабы, и происходятъ изъ тогоже источника. А что она есть искуство, покажу въ краткихъ словахъ. Ибо, ежели всякая наука, какъ говоритъ Клеанѳъ, есть указательница пути и учредительница порядка, то кто не признаетъ Риторики за вѣрную руководитель-

ницу въ краснорѣчіи? А ежели, въ чемъ почти всѣ согласуются, наука состоитъ въ правилахъ, клонящихся и приспособленныхъ къ полезной цѣли, то все сіе въ Риторикѣ заключается. Притомъ же она, какъ и прочія науки, не основывается ли на умозрѣніи и дѣйствіи? Ежели Діалектика есть наука, то какъ же назвать Риторику, которая отъ нее болѣе видомъ, нежели родомъ разнится. Но не должно забывать, что тамъ есть уже наука, гдѣ одинъ дѣлаетъ на удачу, а другой по правиламъ: есть наука и тамъ, гдѣ учившійся дѣлаетъ лучше, нежели неучившійся. И по сему-то не только ученый неученаго, но и ученаго превосходитъ ученнѣйшій въ краснорѣчіи: а иначе, у насъ не было бы такъ много правилъ и такихъ знаменитыхъ учителей. Сіе должно быть признано всѣми, и особенно мы въ томъ удостовѣрены, потому что краснорѣчія не отдѣляемъ отъ честности и добродѣтели.

ГЛАВА XIX.

Къ какому роду наукъ причислить должно Риторику.

Иныя изъ наукъ требуютъ только одного наблюденія, то есть, познанія и разсматриванія вещей, какъ-то Астрологія, которая безъ всякаго дѣйствія, ограничивается разумѣніемъ своего предмета, и называется *умозрительною:* другія состоятъ въ одномъ дѣйствіи, и цѣль ихъ совершается самымъ дѣйствіемъ, которое ничего по себѣ не оставляетъ; онѣ именуются *дѣятельными*, какъ, на примѣръ, пласаніе: иныя въ произведеніи; онѣ совершеніемъ дѣла, которое хотятъ глазамъ представить, уже совсѣмъ оканчиваются, и называются *производительными;* какова есть живопись. Риторику можно, кажется, причесть къ наукамъ, въ дѣйствіи состоящимъ; ибо она чрезъ дѣйствіе достигаетъ своей цѣли; всѣ учители такъ полагаютъ.

Но мнѣ кажется, что она и отъ прочихъ двухъ родовъ наукъ много заимствуетъ; ибо иногда можетъ довольствоваться и простымъ наблюденіемъ. Риторика существуетъ и въ мол-

чащемъ Ораторѣ: и ежели онъ волею или неволею перестанетъ говорить въ судахъ, то все будетъ Ораторъ, какъ врачъ, хотя бы онъ перересталъ лѣчить, все врачемъ остается. Я не знаю, еще не бо́льшій ли плодъ получаемъ отъ уединеннаго ученія; тогда чувствуемъ чистѣйшее удовольствіе отъ ученыхъ упражненій, когда, оставивъ дѣла и заботы, и входя въ самихъ себя, собственнымъ умозрѣніемъ наслаждаемся. Наконецъ, Риторика можетъ назваться и *производительною;* ибо произведенія ея суть издаваемыя въ свѣтъ рѣчи или исторіи; что все входитъ въ должность Оратора.

Однако, если надобно рѣшить, къ которой изъ трехъ наукъ отнести должно Риторику, то, какъ употребленіе ея состоитъ наиболѣе и чаще въ дѣйствованіи, я соглашаюсь называть ее дѣятельною или производительною; что все одно и тоже.

ГЛАВА XX.

Наука или Природа болѣе способствуетъ Краснорѣчію.

Спрашивается еще, природное ли дарованіе способствуетъ болѣе краснорѣчію, или ученіе. Хотя вопросъ сей къ предположенному нами намѣренію не принадлежитъ: ибо совершеннымъ Ораторомъ сдѣлаться нельзя безъ помощи того и другаго; однако почитаю за нужное изъяснить, какъ разумѣть оный здѣсь надобно. Если сіи два пособія совсѣмъ отдѣлить одно отъ другаго, то природа и безъ ученія можетъ много сдѣлать, а одно ученіе безъ природы не принесетъ никакой пользы. Но ежели онѣ равно содѣйствуютъ, то въ посредственныхъ степеняхъ краснорѣчія припишу больше чести природѣ, а въ высочайшихъ отдамъ преимущество ученію предъ природою. Какъ почвѣ безплодной ничего не придаетъ и самый лучшій земледѣлецъ, а изъ земли плодоносной нѣчто полезное раждается и безъ воздѣлыванія; но на почвѣ плодотворной

дѣлатель болѣе, нежели доброта почвы, производитъ дѣйствія. Ежели бы Пракситель изъ жерноваго камня вздумалъ сдѣлать статую, я предпочелъ бы ей дорогой Паросскій мраморъ въ грубой его отдѣлкѣ; а еслибы тотъже художникъ употребилъ его въ дѣло, тогда получилъ бы онъ болѣе цѣны отъ рукъ художника, нежели отъ самаго вещества. Словомъ, природа есть вещество, а наука художникъ: сія даетъ видъ или образъ, а та пріемлетъ. Художество безъ вещества ничего не значитъ, вещество и безъ художества имѣетъ свою цѣну; но превосходная отдѣлка есть лучше самаго драгоцѣннаго вещества.

ГЛАВА XXI.

Риторику можно ли поставить въ числѣ добрыхъ дѣлъ?

Вотъ еще важнѣйшій вопросъ: Риторика изъ тѣхъ ли наукъ, которыя сами по себѣ ни похвальны, ни предосудительны, однако полезны, или бываютъ таковыми, судя по свойству людей, употребляющихъ оныя, или есть она, какъ полагаютъ многіе Философы, добродѣтель? Я съ моей стороны нахожу, что изъ тѣхъ, кои брались и берутся исправлять должность Оратора, иные совсѣмъ чужды науки (что называется ἀτεχνία); у нихъ нѣтъ ни здраваго смысла, ни пріобрѣтенныхъ свѣдѣній: слѣдуютъ побужденію безстыдства и голода, одарены наукою злохудожною (κακοτεχνία); ибо были и нынѣ есть многіе, кои даръ слова на погибель другихъ обращали и обращаютъ: а въ нѣкоторыхъ вижу только безполезное наукѣ подражаніе (ματαιοτεχνία), которое само по себѣ, правда, ни хорошо, ни худо, а только трудъ напрасенъ; такъ металъ нѣкто издали горошины въ иглиныя уши, и всякой разъ попадалъ; что увидѣвъ Александръ, далъ ему въ награду мѣру гороху: награда, самая достойная

такого подвига. Таковымъ уподобляю тѣхъ, кои всю жизнь проводятъ въ сочиненіи декламацій, въ которыхъ самиже не хотятъ помѣщать ничего правдоподобнаго. Но то Краснорѣчіе, котораго образъ мы въ умѣ своемъ начертали, и правила здѣсь изложить постараемся, которое прилично честному человѣку и составляетъ истинную Риторику, будетъ всегда добродѣтель.

Философы къ подтвержденію сего приводятъ многіе остроумные доводы; но мои собственные мнѣ кажутся яснѣе и простѣе. Ежели благоразуміе, говорятъ они, состоитъ въ знаніи, что̀ должно дѣлать и чего не должно дѣлать, и относится къ числу добродѣтелей, то такоеже благоразуміе заключается точно и въ знаніи, что̀ говорить должно и чего не должно говорить. И еще: ежели есть добродѣтели, сѣмена которыхъ, прежде нежели получаемъ въ нихъ наставленія, отъ самой природы въ насъ посѣяны: какъ то чувство справедливости, въ самыхъ простыхъ и непросвѣщенныхъ людяхъ замѣчаемое, то и мы раждаемся съ нѣкоторымъ расположеніемъ говорить въ защиту другихъ, хотя несовершенно, однако такъ, что примѣты будутъ нѣкоторыя, какъ я сказалъ, сѣмена оной способности. Но не такъ бываетъ съ другими науками, которыя несовмѣстны съ добродѣтелію. Впрочемъ, есть два рода рѣчи: мы изъясняемся спо-

собомъ или непрерывно продолжительнымъ, и это называемъ Риторикою, или кратко и съ разстановками, и подъ симъ разумѣемъ Діалектику (*); Зенонъ такъ мало отдѣлялъ одну отъ другой, что Діалектику уподоблялъ рукѣ сжатой, а Риторику разогнутой. Итакъ ежели (**) наука, голыми и сухими состязаніями занимающаяся, есть, по мнѣнію Философовъ, добродѣтель, то къ числу добродѣтелей еще справедливѣе отнести надлежитъ Риторику, которая и благовиднѣе и открытѣе въ семъ дѣйствіи.

Но доказательства, взятыя изъ самыхъ дѣйствій, будутъ яснѣе. Какого, напримѣръ, *похвальнаго слова,* можно ожидать отъ Оратора, если не имѣетъ онъ полнаго понятія о нравственности? Какой подастъ совѣтъ, если вознерадитъ вникнуть въ обстоятельства и выгоды просящаго совѣта? Какъ защититъ подсудимаго, если не будетъ искусенъ въ правовѣдѣніи? Не нужна ли твердость духа, когда понадобится говорить при вопляхъ мятежнаго народа, часто въ присутствіи сильныхъ, коихъ оскорблять всегда опасно, а иногда и посреди вооруженныхъ воиновъ, какъ-то случилось при производствѣ суда

(*) *Діалектика* учитъ правильно, кратко и ясно говорить, наблюдая притомъ строгій порядокъ.

(**) Цицеронъ называетъ Діалектику *разбирательницею* и *судіею* истиннаго и ложнаго.

по дѣлу Милона? Слѣдовательно нѣтъ и совершенства въ рѣчи, если Краснорѣчіе не есть добродѣтель.

Ежели въ каждомъ животномъ есть какое нибудь качество, коимъ превосходитъ прочихъ или покрайней мѣрѣ, многихъ животныхъ, какъ-то, левъ смѣлостію, конь быстротою; и ежели человѣкъ предъ всѣми ими преимуществуетъ разумомъ и словомъ: то почему же въ словѣ, равно какъ и въ разумѣ, не полагать свойственной человѣку добродѣтели? Крассъ у Цицерона (3. de Orat. 55.) прямо говоритъ, что *Краснорѣчіе есть одна изъ высокихъ добродѣтелей.* И самъ Цицеронъ въ письмахъ къ Бруту и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ называетъ оное *добродѣтелію.*

Но, скажутъ мнѣ, и злый человѣкъ иногда располагаетъ въ своей рѣчи, и приступъ и повѣствованіе, и доводы наилучшимъ образомъ. А я отвѣтствую, что и разбойникъ можетъ мужественно сражаться, однако мужество не перестанетъ быть добродѣтелію: и злонравный рабъ переноситъ пытку безъ стенанія, однако твердость духа не лишится похвалы своей. Многіе дѣлаютъ тѣже вещи, но дѣлаютъ съ различнымъ намѣреніемъ. Сего довольно для доказательства, что Риторика есть добродѣтель; о пользѣ же ея мы выше говорили.

ГЛАВА XXII.

Какiе суть предметы Риторики?

Я поставляю предметомъ Риторики всѣ предметы, о которыхъ говорить только нужно будетъ: въ этомъ основываюсь на мнѣнiи отличныхъ Писателей. Сократъ у Платона внушаетъ, кажется, Горгiю, что не въ словахъ, а въ вещахъ находится предметъ Риторики. Въ Федрѣ же прямо доказываетъ Сократъ, что она не въ судебныхъ только рѣчахъ и разбирательствахъ, но и въ дѣлахъ частныхъ и домашнихъ, имѣетъ мѣсто. Изъ сего видно, что и самъ Платонъ такъ мыслилъ. Цицеронъ (de Orat. II.) на одномъ мѣстѣ, хотя назначаетъ, какiе именно предметы подлежатъ Риторикѣ; однако на другомъ полагаетъ, что Ораторъ о всѣхъ вещахъ говорить можетъ; вотъ его слова: „силы Ора„тора и самая должность его, кажется, обѣща„ютъ намъ, что онъ о всякой вещи, какая бы „ни предложена была, говорить можетъ красно „и ясно.“ И еще: (3. de Orat. 4.) „Оратору над„лежитъ обо всемъ, что ни случается въ жизни

„человѣческой (и это будетъ предметъ, ему под-„лежащій, когда онъ имъ займется), вопрошать, „слышать, читать, разсуждать, размышлять, „судить.“

Но предметъ, какой назначаемъ мы для Риторики, т. е. всѣ вещи или случаи, нѣкоторые называютъ то неопредѣлительнымъ, то чуждымъ Риторикѣ; и именуютъ науку сію непостоянною, съ предмета на предметъ перебѣгающею. Мнѣ не трудно опровергнуть ихъ. Они самиже признаются, что Риторика говоритъ обо всемъ; а почитаютъ сіе для нея чуждымъ только по тому, что такой предметъ многоразличенъ. Но его по сему не льзя назвать неопредѣлительнымъ, безконечнымъ; ибо и другія науки, не столь важныя, имѣютъ предметъ многоразличный, какъ-то: зодчество объемлетъ всѣ подробности, до выгодности строеній относящіяся; и рѣзьба изъ золота, серебра, мѣди, желѣза разныя издѣлія производитъ; и ваяніе, кромѣ вышесказанныхъ веществъ, употребляетъ дерево, кость, мраморъ, стекло, дорогія каменья. Не ужели предметомъ Риторики не можетъ быть то, въ чемъ другой кто нибудь упражняется? Ибо когда спрошу, изъ чего дѣлаетъ ваятель статуи? скажутъ, изъ мѣди: спрошу, изъ чего дѣлаетъ посуду мѣдникъ? отвѣчаютъ, также изъ мѣди. А между сосудами и статуями

великая разница. Не ужели и врачебная наука не будетъ уже наукою по тому, что намащеніе и движеніе тѣла походятъ на пріемы и обычаи борцовъ, и что пища, предписанная врачемъ, приготовляется также и обыкновенными поварами?

Возразятъ мнѣ, что разсуждать о добромъ, полезномъ и справедливомъ, есть дѣло Философа. Пусть такъ. Ибо подъ названіемъ Философа конечно разумѣютъ они человѣка честнаго. Чемужъ дивиться, когда Ораторъ, котораго мы отъ честнаго человѣка не отдѣляемъ, тѣмъже самымъ предметомъ займется? Я уже показалъ въ первой книгѣ, что Философы присвоили сію оставленную Ораторами часть, которая всегда къ Риторикѣ принадлежала; слѣдовательно не мы ихъ собственностію, а они нашею завладѣли. Наконецъ, если Діалектикѣ принадлежитъ разсуждать о всякихъ вещахъ, то для чего ограничивать предметъ Риторики, которая отъ нея разнится только слогомъ?

Вотъ еще обыкновенное возраженіе: такъ Оратору надобно знать всѣ науки, когда обо всемъ говорить ему должно. Я могъ бы на сіе отвѣчать слѣдующими словами Цицерона (1. de Orat. 20): „по мнѣнію моему, ни одинъ Ораторъ „не можетъ назваться совершеннымъ, если не „пріобрѣлъ свѣдѣнія въ наукахъ и о всякихъ важ„ныхъ предметахъ.“ Но для меня довольно и того,

чтобы Ораторъ выразумѣлъ въ точности предметъ, о коемъ рѣчь предлагаетъ. Ему не всѣ случаи могутъ быть извѣстны, однако говорить обо всѣхъ долженъ быть въ состояніи. О какихъ же случаяхъ говорить ему? О такихъ, о коихъ имѣетъ полное свѣдѣніе. Тоже разумѣется о наукахъ, о которыхъ разсуждать ему надобно: прежде пусть имъ учится; и пусть уже говоритъ объ нихъ тогда, когда выучится.

Чтожъ? Такъ по этому и художникъ о своемъ ремеслѣ, и музыкантъ о музыкѣ лучше объяснять могутъ, нежели Ораторъ дѣло ему неизвѣстное? Конечно лучше. Ибо и проситель, самый простый и неученый, объяснитъ свое дѣло лучше, нежели Ораторъ, который не знаетъ, въ чемъ состоитъ тяжба. Но отобравъ объясненія отъ музыканта, отъ художника, такъ какъ и отъ просителя, Ораторъ будетъ говорить лучше, нежели они сами. Но и художникъ, скажутъ, о ремеслѣ своемъ, и музыкантъ о музыкѣ, приведетъ, гдѣ нужно, достаточныя сужденія и доводы. Это быть можетъ: однако не будетъ Ораторъ, а сдѣлаетъ только, какъ Ораторъ: подобно какъ и простый человѣкъ можетъ съ успѣхомъ перевязать рану, не будетъ однакожъ лѣкарь, а единственно сдѣлаетъ то, какъ и лѣкарь.

Не ужели подобные предметы не входятъ ни въ похвальныя слова, ни въ совѣщанія, ни въ судебныя дѣлъ разбирательства? Итакъ, когда разсуждаемо было о устроеніи (*) Остійской пристани, Ораторъ не долженствовалъ подавать своего мнѣнія? А дѣло относилось къ должности зодчаго. Опухоль и пятна на тѣлѣ суть ли знаки отравы или соковъ испорченныхъ, развѣ не разсуждаетъ Ораторъ? А это принадлежитъ ко врачебной наукѣ. Мѣры и числа не занимаютъ ли его иногда? А это относится къ Геометріи. По мнѣнію моему, всѣ сіи предметы нѣкоторымъ образомъ входятъ въ должность Оратора: а ежели не встрѣтится къ тому случая, то не будутъ до него касаться. Итакъ мы правильно полагаемъ, что предметъ Риторики составляютъ всѣ вещи, о которыхъ говорить только можно: сіе подтверждается обыкновенною рѣчью. Ибо коль скоро намѣреваемся о чемъ либо говорить хотя запросто, часто предваряемъ слушателя о содержаніи или предметѣ нашей рѣчи....

Нѣкоторые писатели, и то весьма немногіе, изыскивали, какое орудіе употребляетъ Риторика. Орудіемъ называю то, безъ чего вещество или матерія образоваться, и на такое дѣ-

(*) Сію пристань дѣлать предназначилъ Юлій Цезарь, а совершилъ Императоръ Клавдій.

ло, на какое хотимъ, употреблено быть не можетъ. Но я думаю, что сіе относится не до науки, а до художника. Ибо знанія не требуютъ орудія; онѣ сами по себѣ совершенны, хотя бы ничего еще не производили: но художнику нужны орудія, какъ рѣзщику рѣзецъ, и кисть живописцу. Сіе объяснимъ, когда будемъ говорить о Риторикѣ. (Кн. 11. и 12.)

ПОПРАВКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	Напечатано:	Должно читать:
III.	18.	Если и	Если
VII.	11.	поведеніемъ,	поведеніемъ
11.	2.	затмеваетъ	затмѣваетъ
—	27.	пржде	прежде
—	28.	еписать	писать
21.	26.	надмѣвается	надмевается
34.	10.	retiquit	reliquit
58.	19.	жено подобнаго	женоподобнаго
74.	5.	Латинскаго	Латинскаго
95.	19.	ошвращеніе	отвращеніе
130.	7.	лоскутковъ,	лоскутковъ
178.	10.	поправился	прославился
179.	15.	καὶ Ἰσοκράτην ἐὰν	Ἰσοκράτην δ᾽ ἐᾶν
201.	3.	и еще	еще
211.	9.	(ὕμερον)	(ἥμερον)
227.	6.	племянниковъ	племянниковъ
234.	1.	Примѣръ Азиніл	Какъ напримѣръ Азиній
241.	26.	Оппіанина	Оппіаника
248.	7.	обвѣиташости	обветшалости
259.	18.	Avitus	habitus
286.	12.	Стакена	Спалена
295.	27.	разсказами	расказами
296.	21.	естествениной	естественной
306.	1.	говоритъ	говорить
—	3.	Оппіанина	Оппіаника
—	5.	Оппіанинъ	Оппіаникъ
316.	13.	Оппіанина	Оппіаника
393.	3.	преступленіе	преступленіе

Стран.	строк.		
398.	12.	Тубе	Тубе-
401.	25.	колѣсницахъ	колесницахъ
430.	7.	(Pro Mar.)	(Pro Mur.)
456.	26.	вскяая	всякая
457.	6.	прилрава	приправа
469.	7.	Сепшу	Сексшу
472.	14.	въ оиивѣшахъ	въ ошвѣшахъ
473.	8.	надмѣнное	надменное
476.	3.	иной	оной
482.	28.	полѣзнѣе	полезнѣе